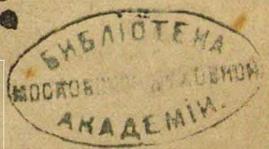

С. ПОСЕЛНИНЪ.

РУССКІЕ ПРАВЕДНИКИ
ПОСЛѢДНИХЪ
ЛѢТЪ
ТКОБЪ.

№52429.

Безплатное Приложеніе
къ Журналу
Русскій Паломникъ.

21
19928

Образец переплета.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ
ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО
ТИХОНА ЗАДОНСКАГО,
ЕВСКІА ВОРОНЕЖСКАГО.

Въ 2-хъ томахъ, свыше 2,000 стран.
убористаго шрифта.

ТОМЪ I. Записки о святителѣ Тихонѣ его келейниковъ. Сокровище духовное, отъ міра собираемое (свыше 150 духовно-нравственныхъ поученій на различныя темы). Плоть и духъ. Собраніе иѣжкіихъ нравоученій изъ Святого Писанія и толкователя онаго, св. Златоуста, великаго вселенскаго учителя, съ приложеніемъ разсужденій, въ пользу духовную сочиненное. Должность священническая. О семи тайнахъ святыхъ. Прибавленіе къ должности священнической. О тайнѣ святого покаянія. Слова, говореныя къ Воронежской паствѣ. Краткія нравоучительныя слова. Христіанскія наставленія. Размышленія и благодаренія. Письма келейныя и посланныя.

ТОМЪ II. Объ истинномъ христіанствѣ. Цѣна 5 р., въ роскошн. перепл. 6 р. На пересылку добавляется 50 коп.

Издательство П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная, 12.

лѣтнихъ покосовъ, гдѣ граблями перебиралъ и ворошилъ сѣно, возбуждая къ работѣ другихъ. По окончаніи покоса онъ читалъ молитву и благословлялъ косцовъ, и они съ пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ возвращались въ пустынь.

Онъ умѣлъ возбуждать ревность братіи въ исполненіи послушаній. Когда онъ посѣщалъ трудящихся, то, обыкновенно, говорилъ: «Богъ такъ цѣнитъ трудъ послушанія, что у Него каждая капля пота, пролитая на послушаніи, какъ мученическая кровь».

Случалось, что во время работы въ полѣ, когда монастырь пустѣлъ, настоятель оставался въ обители для того, чтобы пройтись по кельямъ, которыя—по Бѣлобережскому обычаю—въ такихъ случаяхъ не запирались. Входя въ келью, онъ клалъ на столъ отсутствующаго монаха какой-нибудь ничтожный подарочекъ, въ видѣ бубликовъ, пряниковъ или гребешка. Если чья-нибудь келья была нечиста и не выметена, онъ убиралъ и подметалъ ее и наставлялъ затѣмъ ея обитателя, чтобы въ кельѣ было опрятно: «Ангель твой хранитель уважить твой трудъ»,—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ. Особенно часто онъ совѣтовалъ, чтобы братія сидѣла въ кельѣ своей со страхомъ Божиимъ, читала душеполезныя книги и творила умственно молитву Иисусову.

— А когда ложишься спать,—говаривалъ онъ,—представляй себѣ, что ты лежишь во гробѣ, что тебя ждетъ судъ и что Божественный Женихъ придетъ за тобою въ полунощи.

Устроивъ столь крѣпко жизнь обители, онъ сталъ мечтать о сложеніи трудовъ настоятельства и объ удаленіи на Афонъ.

Однажды онъ тайно посѣтилъ преосвященнаго Орловскаго Досифея и просилъ уволить его на покой. Высоко цѣня его самого и значеніе его для обители, любя бесѣдовать съ нимъ, преосвященный очень скорбѣлъ объ этомъ намѣреніи старца. Онъ говорилъ ему, что, собравъ иноческую паству, онъ не долженъ оставлять ее, ибо наемникъ разорить его стадо. Онъ говорилъ ему о томъ, что его некъмъ замѣнить, что никто не сравняется съ нимъ въ любви и смиреніи.

Старецъ продолжалъ просить отпустить его и предлагалъ вмѣсто него назначить тѣхъ иноковъ, которые были старцемъ недовольны и гнали его.

— Они святы только для себя,—отвѣтилъ на это преосвященный:—другимъ же не могутъ быть полезны.

Въ концѣ концовъ, отецъ Василій уговорилъ архіерея назначить на его мѣсто настоятелемъ іеромонаха Питирима, который былъ его ученикомъ и, несмотря на то, былъ его гонителемъ и злѣйшимъ врагомъ.

Русскіе праведники.

Книга
№ 15409-15
В. М. ДЕНИНЪ
Государственная библиотека
Фонд
№ 15409-15
В. М. ДЕНИНЪ
Собр.

БИБЛИОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
КАДЕМІИ

Можно себѣ представить скорбь братіи, когда они услышали эту печальную вѣсть. Они неутѣшно плакали и рыдали и не хотѣли повиноваться новому настоятелю.

Сперва отецъ Питиримъ поддерживалъ обычаи, заведенные отцомъ Василюемъ, потомъ онъ сталъ истреблять его порядки и преслѣдовать его сторонниковъ.

Отецъ Василій, ни въ чемъ не прекословя, перебрался съ ближайшими учениками въ Свѣнскую обитель, въ двадцати верстахъ отъ Бѣлыхъ Береговъ. Но братія явилась въ Свѣнскъ со слезами, требуя, чтобы онъ вернулся на настоятельство, а преосвященный Досифей предписалъ Питириму во всемъ покоряться отцу Василю и ничего не предпринимать безъ его одобренія и благословенія.

Сперва Питиримъ исполнялъ это приказаніе, но потомъ вернулся къ прежнему и сталъ разгонять лучшую братію. Наконецъ, Питиримъ былъ смѣщенъ, и на его мѣсто избранъ сторонникъ отца Василя, іеромонахъ Леонидъ.

Тогда Василій сталъ жить попеременно то въ Свѣнскомъ, то въ Бѣлобережскомъ монастырѣ, являясь старцемъ и назидателемъ того и другого, такъ какъ въ обѣихъ обителяхъ были настоятелями его ученики.

Въ 1810 году шестидесяти-пятилѣтній старецъ рѣшился идти на Аѳонъ. Съ глубокою скорбью провожало его множество его почитателей всѣхъ сословій. Особенно скорбѣла объ его отъѣздѣ ученица старца, монахиня Ангелина. Она была изъ тѣхъ душъ, которыя умѣютъ молиться неотступной молитвой. Уже послѣ отъѣзда старца она пошла въ Одринъ монастырь и служила тамъ молебень предъ образомъ святителя Николая, умоляя угодника, чтобы онъ возвратилъ ея старца назадъ, въ Россію.

Слезы и молитвы ея видѣлъ одинъ старецъ Одрина монастыря, который имѣлъ даръ прозорливости. Онъ спросилъ ее объ ея горѣ, и она рассказала ему, въ чемъ дѣло. Онъ успокоилъ ее, что старецъ, не дойдя до Аѳона, вернется обратно въ обитель.

Такъ и оказалось. Въ Одессѣ отецъ Василій узналъ, что за границу пропуска нѣтъ, такъ какъ шла война Турціи съ Россіей, и онъ принужденъ былъ вернуться обратно, къ великой радости своей паствы.

Освобожденный отъ трудовъ настоятельства, отецъ Василій чаще посѣщалъ свою пустынную келью, куда любилъ уединяться по ночамъ во время настоятельства. Великій постъ онъ проводилъ въ этой уединенной кельѣ безвыходно до Пасхи.

Келья эта стояла въ частомъ сосновомъ лѣсу, на пригоркѣ. Около былъ устроенъ огородъ съ грядками. Впослѣдствіи на

томъ же холмѣ жили другіе отшельники Бѣлобережской обители: игумень Серапіонъ, монахи: Дороей, Авраамій и другіе.

Въ одинъ изъ дней 1811 года старецъ собралъ братію, въ послѣдній разъ сказалъ имъ свое наставленіе и закончилъ: «Спасайтесь нынѣ, какъ вразумить васъ Богъ. Простите меня; я теперь иду туда, куда поведетъ меня Господь».

III. Сѣвскъ. Рыхловская пустынь и странствованія.

Изъ Бѣлобережской пустыни отецъ Василій, на этотъ разъ, отправился въ городъ Сѣвскъ, для совѣта съ преосвященнымъ Досифеемъ, который его чтить и понималъ. Преосвященный просилъ старца пожить въ Сѣвскомъ женскомъ монастырѣ для духовнаго окормленія сестеръ, на что старецъ и согласился.

Какъ рады были сестры имѣть у себя человѣка, къ которому онѣ могли обращаться во всѣхъ своихъ духовныхъ нуждахъ и недоразумѣніяхъ! Это было для нихъ самое драгоценное время.

Но не обошлось безъ дѣйствія вражескаго. Игуменья и казначея Сѣвскаго монастыря возненавидѣли старца и запретили ему наставлять сестеръ, всячески его оскорбляли и, наконецъ, начали его звать не иначе, какъ «бродяга».

Когда отцу Василю пришлось побывать въ Орлѣ, преосвященный Досифей спросилъ его, слушаются ли его овечки.* Тотъ отвѣтилъ о монастырѣ самымъ доброжелательнымъ образомъ. Но все устроилось само собою. Игуменья была удалена изъ обители, казначея сошла съ ума, и Божій гнѣвъ постигъ всѣхъ противницъ старца.

Иначе обошлось дѣло во время случайнаго посѣщенія старцемъ въ Курскѣ женскаго монастыря. Монахини, въ духовной жадѣ, силились услышать отъ него «слово на пользу», а игуменья приказала выгнать его за ворота и, не довольствуясь этимъ, вышла къ старцу, осыпая его бранью, называя его бродягой и другими поносными словами.. Старецъ, принимая это поношеніе, стоялъ передъ нею безмолвно и кланялся ей въ ноги, благодарилъ за то, что она приноситъ пользу его душѣ. Потомъ онъ приказалъ всѣмъ сестрамъ, слушавшимъ его, просить у игуменьи прощенія. Это смиреніе совершенно обезоружило игуменью, которая съ тѣхъ поръ стала вѣрить въ святость его жизни.

Вотъ, нѣсколько интересныхъ событій, случившихся во время пребыванія отца Василя въ Рыхловской пустыни.

Былъ у отца Василя одинъ ученикъ, іеродиаконъ изъ дворянъ, человѣкъ съ хорошимъ образованіемъ. Гордость сгубила его. Онъ вышелъ изъ обители и женился, но потомъ разо-

чаровался въ мірскомъ счастьи и, оставивъ жену, ушелъ на Аѳонъ. Потомъ, вернувшись въ Россію, онъ жилъ въ Свѣнскомъ монастырѣ и скончался въ Рославльскихъ лѣсахъ.

Паденіе ученика очень огорчало отца Василия, и онъ горячо молился Божіей Матери, чтобы Она простила его. Какъ-то разъ, послѣ особенно усиленной молитвы, онъ получилъ въ сонномъ видѣніи вѣсть, что молитва его услышана, и покаяніе его ученика принято.

Радостно возблагодарилъ онъ тогда Бога и Пресвятую Дѣву Марію.

Одна помѣщица, почитательница старца, прислала въ Рыхловскую обитель нѣкую сумму денегъ на имя одного монаха для передачи ихъ отцу Василию. Монахъ этотъ, по корыстолюбію, скрылъ эти деньги, но праведникъ не лишился ихъ.

Вскорѣ во снѣ этому недобросовѣстному человѣку явился Николай Угодникъ и грозно велѣлъ ему отдать деньги старцу. Инокъ сталъ бѣсноваться, бѣгалъ по монастырю и громко кричалъ о явленіи ему Святителя. Старецъ помолился о несчастномъ, къ нему вернулось сознаніе и, покаявшись, онъ отдалъ старцу его деньги.

Еще замѣчательно слѣдующее событіе. Недалеко отъ монастыря былъ расположенъ принадлежавшій помѣщику кабакъ, который соблазнялъ и братію и богомольцевъ. Отецъ Василій просилъ хозяина отвести этотъ кабакъ въ другое мѣсто, но послѣдній не исполнилъ его просьбы. Тогда отецъ Василій снова пришелъ въ домъ помѣщика и, упавъ предъ нимъ на колѣни, со слезами умолялъ его сохранить монастырь отъ этого соблазна. Жестокосердый помѣщикъ не только не послушалъ старца, но строго на строго запретилъ ему беспокоить себя впредь.

Не объ униженіи своемъ скорбѣлъ старецъ, но о томъ, что черезъ этотъ кабакъ въ самой близости обители погибнетъ столько душъ христіанскихъ. И вотъ, вернувшись въ обитель, онъ пошелъ прямо къ образу святителя Николая и, упавъ предъ нимъ на колѣни, со слезами вопилъ:

— Сжался, святитель, надъ столькими душами человѣческими, падающими въ соблазнъ, избери пути, чтобы удалить этотъ соблазнъ отъ обители!

Всю ночь вопилъ къ святителю старецъ.

Святитель Николай, скорый на услышаніе, не посрамляетъ уповающихъ на него.

Слѣдующую ночь, отъ неосторожности солдатъ, заночевавшихъ въ этомъ кабакѣ, онъ загорѣлся и сгорѣлъ весь до основанія. Тогда помѣщикъ, въ сознаніи своей вины, пришелъ

въ обитель, просилъ себѣ прощенія и больше кабакъ не возобновлялся уже тамъ.

Послѣ пребыванія въ Рыхловской обители старецъ нѣкоторое время посвятилъ странствованію въ сопутствіи съ двумя учениками своими, іеромонахомъ и послушникомъ.

Близъ Курска онъ навѣстилъ генерала Веревкина, благочестиваго человѣка, жившаго по монашески въ селѣ Александровскомъ. Въ то же время проживалъ тамъ нѣкій, Христа ради юродивый человѣкъ, прозорливый. Онъ заранѣе предрекъ Веревкину приближеніе дорогого гостя и встрѣтилъ его по-архіерейски трезвономъ колоколовъ; тѣмъ же самымъ трезвономъ онъ и проводилъ его.

Въ городѣ Ливнахъ вдова бывшаго городничаго пригласила къ себѣ старца Василия. Войдя въ ея домъ, онъ назвалъ по имени всѣхъ трехъ дочерей, что очень удивило хозяйку, такъ какъ онъ не могъ знать ихъ. Тутъ же онъ сказалъ матери: «Надо одну овечку отдать на жертву Богу».

Такъ и случилось. Средняя дочь вдовы расположилась сердцемъ къ рѣчамъ и мнѣніямъ старца, стала его усердной ученицей и вступила въ Сѣвскій монастырь, гдѣ проводила до конца дней своихъ истинно богоугодную жизнь.

Изъ города Ливень старецъ Василій пришелъ въ Задонскъ, гдѣ пробылъ нѣкоторое время. Тутъ былъ съ нимъ такой случай. Архимандритъ обители былъ корыстолюбивый, жестокосердый человѣкъ, обижавшій безъ всякаго повода братію.

Однажды въ церкви, во время литургіи, старецъ Василій свель архимандрита съ его мѣста и самъ сталъ вмѣсто него. Когда же архимандритъ выразилъ ему свой гнѣвъ, старецъ отвѣтилъ ему: «Я не тебя свель, я видѣлъ стоящаго съ тобою духа злобы, который надъ тобою глумился». Зная за собою много грѣховъ, архимандритъ умолчалъ.

Изъ Задонска старецъ пришелъ въ Воронежъ, гдѣ тогда сіялъ на каѳедрѣ знаменитый праведностью своею архіепископъ Антоній. Старецъ просилъ благословить его вступить въ Кременскую пустынь. Владыка сразу же назначилъ его туда настоятелемъ.

Обитель была разорена и малолюдна—всего восемь человѣкъ братіи, подъ управленіемъ бѣлаго священника. Молитвами и хлопотами своими старецъ устроилъ обитель, собравъ больше шестидесяти человѣкъ братіи, и украсилъ ее сосудами и ризами. Затѣмъ онъ продолжалъ свой путь и пришелъ въ Усть-Медвѣдицкій монастырь, которымъ управляла его ученица, игуменья Августа. Эта обитель имѣла до двухсотъ сестеръ и въ ней происходили тогда сильныя неустройства. Се-

стры возстали противъ игумены, такъ что приходъ почитаемаго ею старца Василия игуменя приняла за Божіе посѣщеніе.

Въ теченіе недѣли, которую старецъ провелъ тутъ, онъ наставлялъ сестеръ на путь спасенія, увѣщаль всѣхъ смирать себя, быть кроткими, незлобивыми, снисходительно относиться къ слабостямъ и недостаткамъ другихъ. Старецъ вносилъ съ собою всюду миръ и благословеніе, и тутъ ему удалось вполне примирить сестеръ.

На Дону же Богъ помогъ старцу Василию обратить въ православіе главу и учителя сектантовъ молоканъ. Этотъ человекъ былъ настроенъ настолько враждебно противъ старца, что на увѣщанія его отвѣчалъ смѣхомъ, ругательствами и плевалъ ему въ глаза. Старецъ какъ-то на колѣняхъ помолился Богоматери: «Мати Божія, помоги, просвѣти сердце этого жестокаго человекѣ!» И вскорѣ молоканинъ призналъ свое заблужденіе, съ плачемъ упалъ къ ногамъ старца, покался и сталъ православнымъ со своими учениками.

Въ городѣ Новочеркасскѣ одна набожная генеральша пригласила къ себѣ старца и на колѣняхъ просила его помолиться Господу, чтобы Снъ продлилъ ея сыну жизнь. Мальчику этому было тогда три года. Старецъ сказалъ матери: «Господь утѣшитъ тебя еще на двѣнадцать лѣтъ». И, дѣйствительно, сынъ ея скончался пятнадцати лѣтъ.

Когда отецъ Василій снова появился въ Воронежѣ у владыки Антонія, преосвященный, желая сохранить на память черты его лица, просилъ позволенія у старца снять съ него портретъ. Старецъ наотрѣзь отказался. И владыка узналъ отъ учениковъ старца, что онъ далъ себѣ зарокъ никогда не давать снимать своихъ чертъ.

Владыка, не желая отступить отъ своего рѣшенія, объяснилъ его ученикамъ, что портретъ старца многимъ послужитъ во спасеніе. Онъ поручилъ своему духовнику, отцу Теофану, и искусному живописцу устроить такъ, чтобы портретъ со старца былъ написанъ. Отецъ Теофанъ зазвалъ отца Василия къ себѣ въ келью и сталъ предлагать ему разные вопросы, требовавшіе длинныхъ поясненій. Между тѣмъ, удобно усаженный и невидимый отцу Василию живописецъ набросалъ во время этой бесѣды портретъ его, который вышелъ очень похожъ. Съ этого портрета многіе почитатели старца снимали себѣ копіи. Одна изъ нихъ находится въ настоятельской кельѣ Бѣлобережской пустыни.

Изъ Воронежа отецъ Василій отправился снова въ Задонскъ, для поклоненія гробу святителя Тихона (†1783 году). Въ Задонскѣ у старца было нѣсколько учениковъ.

Въ то время близъ Задонскаго монастыря спасалась по-

движница, прозорливая дѣвица Евѡимія-постница. Въ прозорливости ея были убѣждены не только мїряне, но и монахи.

Ученики старца Василія интересовались узнать, сочтеть ли старецъ ее прозорливою, и просили его поговорить съ нею. Старецъ уклонился отъ отвѣта.

Черезъ нѣсколько дней они одни пошли къ прозорливой и повели ее съ собой въ монастырь. Когда Евѡимія увидала старца, она остановилась, задрожала и хотѣла повернуть обратно, но ученики удержали ее силой. Она стала рваться и кричать, билась о землю и стала, какъ полумертвая. Ученики поняли, что Евѡимія находится въ прелести, и стали просить прощенія у старца.

Старецъ объяснилъ имъ, какъ надо осторожно относиться къ людямъ и бояться самочинныхъ и ложныхъ пророковъ, живущихъ на свѣтѣ.

Тутъ же старецъ, въ поученіе имъ, разсказалъ слѣдующее ужасное происшествіе.

Въ Софроніевой пустыни жилъ строгій подвижникъ, іеросхимонахъ Ѡ—ій, затворникъ и постникъ, одинъ разъ въ недѣлю вкушавшій пищу. Этотъ подвижникъ впалъ въ прелесть, принявъ бѣса вмѣсто ангела. Обстоятельство это выяснилось слѣдующимъ образомъ. Однажды, по обыкновенію, прислуживающій затворнику братъ, принесъ ему пищу, поставилъ у дверей. Затворникъ сказалъ ему: «теперь пищи этой тлѣнной я не требую, мнѣ уже принесъ дорогой мой гость пищу нетлѣнную». Слова эти были переданы настоятелю. Тотъ немедленно собралъ старцевъ и все это передалъ на обсужденіе ихъ. Старцы разсудили, что затворникъ въ прелести, и находится въ опасномъ положеніи. Когда же пришли къ его кельѣ и отбили дверь, то увидѣли потрясающее душу зрѣлище: затворникъ виситъ удушенный, схима и крестъ его разбросаны по кельѣ, и самая келья полуразрушена. Показалось имъ, что бѣсовское сонмище, въ видѣ псовъ, торжествовало въ то время. Вся братія пришла въ ужасъ и неутѣшно плакала.

Какъ далеко простираются стремленія врага рода человѣческаго, искушающаго подвижниковъ, видно изъ слѣдующаго случая. Въ селѣ Троекуровѣ, близъ города Лебедяни, былъ знаменитый старецъ подвижникъ, отецъ Илларіонъ. Онъ находился въ духовномъ единеніи съ другимъ подвижникомъ, Іоанномъ, жившимъ въ селѣ Сезеновѣ, того же уѣзда.

У отца Іоанна въ кельѣ стояла икона двенадцатыхъ праздниковъ. Въ честь этихъ праздниковъ у него было устроено двѣнадцать лампадъ, которыя онъ всѣ и зажигалъ въ каждый двенадцатый праздникъ.

Однажды, отецъ Илларіонъ прислалъ сказать отцу Іоанну:

«Берегись вражескаго искушенія, въ слѣдующій двенадесятый праздникъ лампы предъ твоими иконами зажгутся сами. Ты же не обращай на это вниманія, но молись Богу, это дѣйствіе вражеское!»

Дѣйствительно, передъ праздникомъ лампы предъ иконами зажглись сами. Затворникъ не обратилъ на это вниманія и продолжалъ молиться, и онѣ погасли.

Вотъ, какой примѣръ смиренія показалъ отецъ Василій по пути изъ Задонска. Встрѣтившись съ крестьяниномъ, онъ спросилъ его:

— Скажи мнѣ, братъ, какъ лучше поступить: идти впередъ или вернуться назадъ?

— Иди, отче, впередъ,—отвѣчалъ крестьянинъ,—тамъ будетъ тебѣ добро, и ты много принесешь пользы.

— Можетъ ли простой земледѣлецъ и невѣжда чему-нибудь научить тебя?—спросили у старца ученики, изумленные тѣмъ, что онъ тутъ положился на совѣтъ простолюдина.

— Онъ болѣе меня знаетъ, потому что пребываетъ въ непрестанныхъ трудахъ, а я живу въ лѣности, и многіе несмысленныя ублажаютъ меня. Я вѣрую, что онъ, по Божию внушенію, сказалъ мнѣ это.

Дѣйствительно, въ усадьбѣ Веревкина, къ которому отправился изъ Задонска старецъ, онъ принесъ великую пользу двумъ его знакомымъ фрейлинамъ императрицы, прѣхавшимъ навѣстить старика изъ Петрограда.

Бесѣда старца произвела на нихъ столь сильное впечатлѣніе, что онѣ рассказали о старцѣ царицѣ, и она пожелала его видѣть. Но старецъ, боясь впасть въ гордыню, рѣшилъ подъ предлогомъ болѣзни не ходить въ столицу.

Одинъ молодой дворянинъ, при посѣщеніи Кіевской лавры, спросилъ одного схиеромонаха указать ему человѣка, которому бы онъ всецѣло могъ поручить себя. Старецъ посоветовалъ ему ѣхать въ Коренную пустынь, къ старцу Василю.

Юноша исполнилъ этотъ совѣтъ. Когда онъ прибылъ въ пустынь и стоялъ въ церкви, вдругъ—во время литургіи, къ нему подошелъ старецъ и сказалъ ему:

— На что тебѣ грѣшный Василій? Я—Василій.

Юноша тотчасъ же поклонился ему въ ноги и просилъ принять его подъ руководство.

Въ это время одинъ близкій къ настоятелю монахъ злобно обрушился на Василя и сказалъ ему:

— Ты что тутъ, старикъ, празднословишь въ церкви и блазнишь молящихся?

Старецъ сталъ просить прощенія, а гордый монахъ кри-

чалъ: «нѣтъ тебѣ прощенья, клади поклоны», и старецъ клалъ ихъ до конца службы.

Этимъ злобный монахъ хотѣлъ посрамить старца предъ его мѣрскими почитателями, но вышло наоборотъ, такъ какъ видъ такого смиренія еще возвысилъ ихъ высокое о немъ мнѣніе. Монаха же этого постигла скоро Божія кара, и онъ скончался безъ покаянія, скоропостижно.

Какое-то внутреннее чувство влекло отца Василия въ Глинскую пустынь, куда онъ и отправился.

IV. Глинская пустынь. Площанская. Послѣдніе годы.

Глинская пустынь была въ то время далека отъ того процвѣтанія, котораго она достигла впоследствии и которымъ она пользуется донинѣ. Братіи въ ней было около десяти чело-вѣкъ. Въ ней была устроена одна церковь, во имя Рождества Богородицы, гдѣ помѣщалась явленная икона Богоматери. Гостиницы вовсе не было. Монашескія кельи были тѣсныя и ветхія, да и жизнь братіи была не на должной высотѣ.

Отецъ Василій со слезами старался умолять Владычицу благословить его труды по обновленію обители и искоренить въ ней соблазнъ.

Съ ближайшимъ ученикомъ своимъ Арсеніемъ онъ сталъ ревностно заводить новые порядки.

Онъ строго взыскивалъ за пьянство, уговаривалъ иноковъ не быть соблазномъ для міра. Настоятель и братія вооружились противъ старца и его ученика, плевали ему въ глаза, по три дня не давали ему трапезы.

Отецъ Василій все кротко переносилъ, ублажалъ своихъ хулителей и продолжалъ заботиться объ улучшеніи обители.

Въ то время находился тамъ казначеемъ иннокъ плохого поведенія, чрезвычайно злой. Уговоры старца только ожесточали и разстраивали его. Онъ тайно отправился въ Курскъ къ епископу и донесъ на старца, будто бы у отца Василия имѣется около обители особый скитъ для женскаго пола, гдѣ онъ держитъ свою жену и сына и часто проводитъ съ ними время. Кромѣ этого, были разныя еще подробности въ этомъ особенномъ доносѣ.

Епископъ повѣрилъ клеветѣ, вызвалъ старца, сталъ жестоко укорять его и велѣлъ уходить изъ его епархіи. Старецъ, поклонясь преосвященному, смиренно сказалъ ему: «Прости меня грѣшнаго, владыка святой, много я нагрѣшилъ, но такихъ грѣховъ за собою не знаю!»

Узнавъ объ этихъ событіяхъ, многіе почитатели старца, среди которыхъ были люди высокопоставленные, прибыли въ

Курскъ, чтобы заступиться за него, а бывший курскій губернаторъ Веревкинъ предостерегалъ архіерея, чтобы онъ, преслѣдуя этого новаго гонимаго за правду Златоуста, не пострадалъ за него, какъ нѣкогда императрица Евдоксія.

Когда дѣло было подробно разслѣдовано,—оказалось, что это все была злобная клевета, невинность восторжествовала, отецъ Василій возвратился въ обитель, клеветники были наказаны.

По возвращеніи въ обитель, самой горячей молитвой отца Василя была молитва о томъ, чтобы Владычица послала имъ въ настоятели угоднаго Ей человѣка.

Во исполненіе этой молитвы былъ посланъ въ Глинскую пустынь возвеличившій ее впоследствии отецъ Филаретъ, изъ Софроніевой пустыни.

Отецъ Филаретъ былъ утверждёнъ въ званіи настоятеля и сталъ, вмѣстѣ съ отцомъ Василюмъ, трудиться надъ благоустроеніемъ пустыни. Отецъ Филаретъ заботился о внѣшнихъ нуждахъ обители, а отецъ Василій назидалъ братію, смирялъ гордыхъ, умирялъ враждующихъ и искоренялъ пьянство. Въ обитель быстро стала собираться братія изъ другихъ монастырей и въ короткое время образовалось многочисленное цвѣтущее братство.

Но и тутъ старца не оставляли искушенія. У него были такіе ненавистники, которые не останавливались ни передъ чѣмъ. Въ своей ненависти двое братьевъ часто плевали ему въ лицо, и тогда старецъ, отирая свои глаза, съ ласковой улыбкой говорилъ: «Освятѣ, брате; пусть голова моя исцѣлѣетъ и глаза будутъ прозрачныѣ».

Другой гонитель старца, полковникъ М., жилъ въ обители, какъ въ міру, не слушался настоятеля. Онъ такъ возненавидѣлъ старца, что обѣщался хлопотать предъ архіереемъ, чтобы старецъ былъ выгнанъ изъ обители, и введенный имъ уставъ уничтоженъ. Тѣмъ не менѣе, старецъ продолжалъ безстрашно обличать этого человѣка. Ему жизнь въ Глинской пустыни стала настолько нестерпима, что онъ написалъ на стѣнѣ кельи своей ругательные стихи и, послѣ этой дикой выходки, во гнѣвѣ переселился изъ Глинской въ Коренную пустынь.

Но и этого человѣка, какъ и прежнихъ враговъ своихъ, отецъ Василій умѣлъ побѣдить добромъ. Какъ-то этотъ М. съ однимъ іеромонахомъ, тоже ненавистникомъ старца, сошлись въ Глинской пустыни, гдѣ неожиданно встрѣтились съ отцомъ Василюмъ. Старецъ поклонился имъ въ ноги, облобызалъ ихъ и позвалъ въ свою келью. Стыдно имъ было предъ старцемъ и только послѣ долгихъ уговоровъ они вошли къ нему. Онъ ихъ такъ обласкалъ, такъ искренно предлагалъ имъ свою келью на

время ихъ пребыванія въ обители, что злыя души ихъ смягчились и они воскликнули: «Отче, дивное твое незлобіе разогрѣло наши оледенѣвшія сердца». Съ тѣхъ поръ они стали искренними друзьями его.

Одинъ инокъ передаетъ свои впечатлѣнія о незлобіи старца Василия: «Азъ грѣшный вздумалъ искусить его, но за сіе страшно пострадалъ. По монастырскому дѣлу были мы въ городѣ; я много ему дѣлалъ досажденій, укоризнъ и прочая, но старецъ не только оправдывался предо мною, но, сознавая себя виновнымъ, кланялся мнѣ и просилъ у меня прощенія. Вскорѣ послѣ сего, Божіимъ попущеніемъ, врагъ поднялъ въ душѣ моей брань и восколебалъ мой умъ мятежемъ помысловъ и хулою на старца. Въ такомъ зломъ настроеніи я зануль и... вижу во снѣ старца, стоящаго на облакахъ. Онъ облеченъ былъ въ мантию и камилавку, и былъ оттуда гласъ ко мнѣ: «каковъ есть Василій тѣломъ на землѣ, таковъ и духомъ онъ на небеси, что все мятешься?» Я проснулся, пошелъ къ старцу въ келью, упалъ ему въ ноги и, заливаясь слезами, рассказалъ ему все свое искушеніе и просилъ у него прощенія и молитвъ. Старецъ же, облобызавъ меня, во всемъ простилъ и, кланяясь, просилъ меня умолчать о видѣнномъ мною. Послѣ сего, отецъ Василій не разъ являлся мнѣ во снѣ, обличалъ мои страсти и поучалъ отсѣченію злыхъ помышленій».

Интересенъ тотъ способъ, которымъ старецъ Василій смирилъ одного изъ своихъ учениковъ. Этотъ молодой ученикъ былъ красивъ собою, любилъ щеголять и особенно гордился своими великолѣпными волосами. Долго старецъ укорялъ его, тотъ не исправлялъ своихъ замашекъ. Тогда старецъ зазвалъ его къ себѣ и сказалъ ему: «Прочихъ я постригаю за послушаніе, а тебя постригу за ослушаніе». И, взявъ ножницы, остригъ его до гола и сказалъ ему: «Лучше тебѣ на время лишиться волосъ, чѣмъ погубить свою душу».

Послѣ этой стрижки этотъ послушникъ совершенно измѣнилъ свое поведеніе. Онъ сдѣлался смиреннымъ, молчаливымъ и кроткимъ, одѣвался въ старыя одежды, первый приходилъ въ церковь и молился Богу, такъ что братія смотрѣла на него съ удивленіемъ.

Старецъ былъ особенно внимателенъ къ маленькимъ дѣтямъ. Онъ любилъ учить дѣтей Иисусовой молитвѣ и училъ полагать на себя крестное знаменіе твердо, внимательно, неспѣшно. Часто послѣ его ухода дѣти, во исполненіе словъ его, со слезами повторяли: «Исусе! Исусе!» По его молитвамъ— часто самыя упрямья и злыя дѣти становились самыми кроткими и смиренными.

У одного высокопоставленнаго лица былъ трехлѣтній

сынъ такого буйнаго нрава, что никогда не обращался къ родителямъ, какъ говорятъ дѣти: «папа и мама», а всегда бранился и плевалъ имъ въ глаза. Родители его прибѣгали къ разнымъ мѣрамъ, но совершенно безплодно. Какъ-то зашелъ въ домъ ихъ отецъ Василій, и этотъ знатный человекъ повѣдалъ ему о своемъ горѣ, прося его молитвъ.

Долго молился тогда старецъ и съ собою вмѣстѣ заставилъ молиться и младенца. Съ тѣхъ поръ дитя измѣнилось нравомъ и продолжало расти на радость родителямъ.

О дѣтяхъ случалось ему предсказывать ихъ будущую судьбу. Объ одномъ младенцѣ, въ которомъ нельзя было еще видѣть никакихъ опредѣленныхъ расположений, онъ выразился: «Это дитя будетъ неосвященнымъ сосудомъ», о другомъ сказалъ: «Этотъ будетъ драгоценный аромать», и—все это сбылось въ свое время.

Въ Глинской пустыни былъ инокъ изъ дворянъ. Вступая въ обитель, онъ вложилъ въ пользу ея значительный вкладъ и вскорѣ былъ постриженъ въ монашество. Первое время онъ велъ себя такъ, что всѣ его почитали. Но это почитаніе испортило его, и онъ началъ много думать о себѣ, всѣхъ презиралъ и не исполнялъ монастырскихъ правилъ и порядковъ. Василій видѣлъ тотъ гибельный путь, на которомъ находился этотъ человекъ и задался цѣлью смирить его. Предварительно помолясь о немъ, онъ смирилъ его собственнымъ смиреніемъ, такъ какъ поклонился ему въ ноги, потомъ повелъ съ нимъ душевнеспасительную бесѣду. Онъ выяснилъ ему послѣдствія гордости, и слова старца такъ подѣйствовали на инока, что онъ немедленно сталъ просить его принять его въ свое руководство. Отецъ Василій поставилъ непремѣннымъ къ тому условіемъ, чтобы инокъ снялъ монашескую одежду, одѣлъ платье простолюдина и занялся черной работой. Потомъ старецъ велѣлъ стоять ему у святыхъ воротъ и кланяться всѣмъ входящимъ и выходящимъ. Все это инокъ исполнялъ безпрекословно. Одновременно съ тѣмъ старецъ Василій постоянно утѣшалъ инока и, поддерживая его, говорилъ: «Тецы, тецы, чадо, и достигнешь, ибо вѣнецъ послушанія готовится тебѣ».

Такимъ образомъ, отецъ Василій воспиталъ въ этомъ ученикѣ своемъ великое смиреніе и, кромѣ того, онъ приобрѣлъ даръ умиленія при обилии слезъ. Отецъ Василій радовался и благодарилъ Бога за этого ученика. Когда онъ предложилъ ему снова надѣть монашескую одежду, тотъ отвѣтилъ: «Благодарю тебя, отче, что ты воскресилъ мою погибшую душу. Никогда прежде я не ощущалъ той душевной отрады и умиленія, какъ нынѣ. Умоляю тебя оставить меня въ той же одеждѣ и

въ томъ же послушаніи». И, дѣйствительно, до конца дней своихъ онъ несъ послушаніе при вратахъ.

Другой братъ безъ благословенія старца наложилъ на себя постъ. Старецъ хорошо зналъ, что тѣлесные подвиги иногда возбуждаютъ въ инокъ самообольщеніе. Поэтому, желая испытать его смиреніе, отецъ Василій въ праздникъ приказалъ повару: «Когда этотъ монахъ придетъ къ тебѣ за пищу, ты откажи ему и хорошенько укори его». Такъ было и сдѣлано. Постникъ, видя себя обиженнымъ, разгнѣвался на повара, осыпалъ его бранью, проклялъ его и ушелъ въ келью.

Старецъ, узнавъ объ этомъ, призвалъ къ себѣ постника и сталъ уговаривать его.

— Я, вѣдь, тебя предупреждалъ, что нужно убивать страсти, а не тѣло; сперва надо исполнять заповѣди, потомъ приносить Богу дары.

И тогда онъ приказалъ постнику непременно ходить за трапезу и вкушать предлагаемое съ прочей братіей.

Одна странница рассказывала братіи Глинской пустыни, что она приходила, какъ-то, къ отцу Василию принять отъ него благословеніе и просить молитвъ. Старецъ далъ ей просфору. Она тутъ же, по своему простосердечію, подумала сохранить эту просфору для исцѣленія будущихъ недуговъ своихъ, а старецъ сразу же угадалъ ея мысли и тотчасъ же велѣлъ ей съѣсть просфору.

Одинъ купецъ былъ у старца Василя въ кельѣ. Послѣ бѣды старецъ повелъ его къ своему ученику на пасѣку, гдѣ предложилъ ему свѣжаго меду. Купецъ отказался ѣсть медъ, такъ какъ отъ него страдалъ желудкомъ. Старецъ же настоятельно благословилъ его вкусить предлагаемое, и съ тѣхъ поръ купецъ совершенно избавился отъ своей желудочной болѣзни.

Одинъ господинъ, навѣщавшій Глинскую пустынь, привелъ къ старцу своихъ двухъ дѣтей на благословеніе. Старецъ благословлялъ ихъ, медленно произнося: «Богъ благословитъ въ небесную страну».

— Я прошу васъ, батюшка,—сказалъ возмущенный этими словами отецъ,—чтобы вы помолились Богу, чтобы Господь продлилъ чадамъ моимъ жизнь!

— Не много поживутъ,—отвѣчалъ старецъ тѣмъ же голосомъ. И, дѣйствительно, въ томъ же году дѣти скончались.

Старецъ любилъ посѣщать своихъ духовныхъ учениковъ.

Такъ, онъ провелъ нѣкоторое время въ Площанской пустыни, гдѣ строителемъ былъ его ученикъ, отецъ Серафимъ, и въ Бѣлобережской пустыни. Тутъ и тамъ братія просила его остаться въ ихъ обители, но старецъ не согласился и вернулся

въ Глинскую пустынь гдѣ ему—попущеніемъ Божиимъ—предстояла тяжкая кара—изгнаніе.

За десятилѣтнюю жизнь свою въ Глинской пустыни, все время ревнуя о славѣ Божіей и о благѣ обители, старецъ не избѣжалъ вражескаго искушенія.

Духовникъ братіи позавидовалъ славѣ отца Василия, началъ клеветать на него, называя его льстецомъ, и склонилъ къ враждѣ противъ него и настоятеля пустыни, выставляя, что отецъ Василій принимаетъ къ себѣ всевозможныхъ посѣтителей, безъ различія пола, и тѣмъ наводитъ на братію соблазнъ. Послѣ долгаго совѣщанія, старца присудили, наконецъ, къ изгнанію изъ обители.

Смиренно подчинился онъ этому униженію. Онъ сказалъ только: «Вѣрно, Богъ такъ хочетъ», и припомнилъ, что однажды, живя въ Софроніевой пустыни, онъ спросилъ старца, полезнѣ ли будетъ ему оставаться тамъ или идти въ Площанскую пустынь?

— Иди въ Площанскъ,—отвѣчалъ тогда тотъ старецъ;—тамъ твои духовныя чада, тамъ живи и умри.

Это не исполненное пророчество само собою исполнялось теперь. Въ Площанской пустыни отецъ Василій не засталъ уже въ живыхъ ученика своего Серафима. Новый настоятель съ радостью и уваженіемъ встрѣтилъ старца и особенно былъ радъ, узнавъ, что онъ собирается провести съ ними остатокъ своихъ дней.

Вскорѣ глинскій настоятель писалъ отцу Василию, прося у него прощенія въ томъ, что придалъ вѣру словамъ его клеветниковъ, и убѣдительно просилъ его вернуться и тѣмъ успокоить ихъ. Старецъ отвѣчалъ, что онъ чрезвычайно счастливъ, найдя тихое пристанище въ Площанской пустыни, всѣхъ глинскихъ съ любовію лобызаетъ и прощаетъ.

При Площанской пустыни жила одна богатая вдова купчиха, которая на построеніе монастырской церкви пожертвовала сорокъ тысячъ рублей. При ней проживало много молодыхъ особъ. Кромѣ того, такія же особы у нея гащивали.

Отецъ Василій понималъ, что постоянное нахожденіе при обители такого количества молодыхъ особъ очень дурно влияетъ на братію, которая часто посѣщала ея домъ. И вотъ, отецъ Василій сталъ просить настоятеля, чтобы онъ удалилъ эту особу отъ обители. Но настоятель не рѣшался этого сдѣлать. Тогда, не успѣвъ у людей, отецъ Василій сталъ умолять Божию Матерь, чтобы Она отыскала путь къ устройству этого дѣла. Его молитва была услышана.

Какъ-то Орловскій архіерей, объѣзжая епархію, былъ въ Площанской пустыни. Отецъ Василій явился къ нему, расска-

заль объ обстоятельствахъ этого дѣла и просилъ повліять на удаленіе вдовы.

Владыка обратилъ вниманіе на это заявленіе, призвалъ къ себѣ эту вдову, и послѣ ласковой бесѣды договорился съ нею до того, что предложилъ ей перейти на жительство въ Сѣвскій дѣвичій монастырь.

Такъ дѣло и устроилось. Настоятель, узнавъ о ревности по этому дѣлу отца Василия, приходилъ его благодарить, кланяясь ему въ ноги, такъ какъ пребываніе этой особы при обители было, дѣйствительно, большимъ зломъ.

Вотъ, нѣсколько примѣровъ того, какъ старецъ умѣлъ извлекать себѣ пользу изъ совѣтовъ самыхъ, повидимому, незначительныхъ людей.

Однажды у него разболѣлась рука. Когда онъ собирался въ церковь, то боль эта сдѣлалась столь сильна, что ему захотѣлось вернуться въ келью. Навстрѣчу ему попалась дѣвочка, шедшая въ церковь. Онъ спросилъ ее, полезнѣе ли ему будетъ идти въ церковь или вернуться въ келью?

— Нѣтъ, отче,—отвѣчала дѣвочка,—боль не дастъ тебѣ стоять въ церкви спокойно и молиться Богу.

Такъ недоразумѣніе его было разсѣяно.

Однажды старца сталъ смущать помысль, что настоятель плохо заботится объ обители, а казначей медлителенъ. Свои сомнѣнія тогда онъ повѣрилъ одному крестьянину и получилъ отъ него такой отвѣтъ: «Не такъ дѣла, какъ ты думаешь, отче; настоятель у васъ хорошій, и казначей все дѣлаетъ хорошо». Исповѣданный, этотъ помысль утратилъ свою остроту и не беспокоилъ болѣе старца.

Старецъ Василій часто ходилъ въ лѣсъ, чтобы въ уединеніи тамъ молиться Богу. Какъ-то разъ наткнулся онъ на больного звѣрка, который лежалъ неподвижно. Онъ почувствовалъ къ звѣрку такую жалость, что взялъ его къ себѣ въ келью, кормилъ и поилъ его и всячески старался его вылѣчить, а потомъ, когда онъ выздоровѣлъ, отнесъ его, откуда взялъ. На слѣдующую ночь старецъ увидѣлъ этого звѣрка во снѣ. Ему снилось, что звѣрекъ подошелъ къ нему близко, ласково на него глядѣлъ, а потомъ склонилъ свою головку къ ногамъ, благодаря его за заботы.

Въ одномъ городѣ жили двѣ особы крайне легкаго поведенія. Старецъ навѣщалъ ихъ, скорбѣлъ о нихъ и молился Богу, чтобы Господь вразумилъ ихъ, и молитва его была услышана. Грѣшницы раскаялись въ своемъ поведеніи и изъ дома грѣха домъ ихъ сталъ страннопріимницей.

За полтора года до смерти старецъ предсказалъ время своего конца. Однажды, онъ въ лѣсу рубилъ нужное ему де-

рево и во время рубки почувствовалъ страшное истощеніе силъ, упалъ на землю, ушибъ себѣ поясницу и лежалъ безъ чувствъ. Ученики его подняли, отнесли въ келью, гдѣ онъ былъ окруженъ собравшеюся со всѣхъ сторонъ братією. Старецъ открылъ глаза и обвелъ всѣхъ взоромъ съ удивленіемъ. Его осеборовали и приобщили. Тогда старецъ весело сказалъ окружающимъ: «Не думайте, что я умираю; мнѣ назначено еще жить восемнадцать мѣсяцевъ». Съ тѣхъ поръ старецъ сталъ приготавливаться къ смерти.

Онъ построилъ себѣ въ пустыни тѣсную келью, съ окномъ на востокъ, и въ ней затворился. Только въ лѣтніе долгіе дни въ его затворъ проникало солнце. Въ кельѣ не было ничего, кромѣ священныхъ книгъ; икона съ лампадой и стулъ—составляли единственную ея обстановку.

Къ старцу ежедневно приходилъ одинъ изъ его учениковъ, приносившій ему воду и пищу. Старецъ ежедневно отправлялъ тутъ всю службу, кромѣ литургіи, занимался умной молитвой, причемъ шепталъ молитву Христу и Богородицѣ. Часто также произносилъ онъ молитву святого Іоаннікія Великаго: «Упованіе мое — Отецъ, прибѣжище мое — Сынъ, покровъ мой — Духъ Святой, Троице Святая, слава Тебѣ».

По праздничнымъ днямъ старецъ приобщался святыми Дарами, которыя послѣ ранней литургіи приносили къ нему.

Братія и міряне жаждали услышать слово затворника, но онъ лишь въ крайней необходимости бесѣдовалъ черезъ малое оконце и говорилъ: «Простите меня, отцы и братія, пришло время моему молчанію, конецъ мой приближается, смерть при дверяхъ». Эти слова производили на людей сильное впечатлѣніе. Много лишениій претерпѣлъ въ этой жизни старецъ, боролся съ различными наважденіями діавола и побѣждалъ ихъ и подвигами отшельническими достигъ высшаго развитія своихъ духовныхъ силъ. И тогда остающіеся ему дни онъ отдалъ на дѣло руководства ближнихъ.

Незадолго до кончины отца Василія пришли къ нему сестры Борисовской женской пустыни, Курской епархіи, которыя—отъ имени игуменни—приглашали старца прибыть въ ихъ обитель и преподать благословеніе сестрамъ. Сперва старецъ отказался. Тогда на третій день сестры опять пришли къ нему и умоляли не отказывать имъ, и онъ исполнилъ ихъ желаніе и наканунѣ Троицына дня, съ ученикомъ своимъ Арсеніемъ, приѣхалъ въ Борисовскую пустынь.

Старецъ принималъ, вообще, близкое участіе въ судьбѣ этой обители, гдѣ онъ завелъ общежитіе и помогалъ вышнимъ нуждамъ сестеръ, заботился объ ихъ спасеніи. И въ этотъ приѣздъ старца къ нему приходили за совѣтомъ по очереди всѣ

монахини. Иногда, покинувъ его, онъ становились подъ его окномъ и внимали его молитвѣ: «Господи Исусе Христе», «Господи, прости меня», «Тебѣ рече сердце мое: радуйся, Обрадованная», «Отверзу уста моя», «Радуйся, Невѣсто Невѣстная», «Владычице моя», «Упованіе мое Отецъ», и потомъ старецъ снова начиналъ стихъ молитвы Исусовой и въ томъ же порядкѣ повторялъ эти молитвы.

Кромѣ сестеръ, заходило въ келью старца и много окрестнаго народа. Здѣсь были люди скорбящіе изъ-за какой-нибудь бѣды, изъ-за душевной болѣзни или тѣлесныхъ недуговъ. Для всѣхъ жаждущихъ его бесѣды у старца всегда въ изобиліи хватало духовной пищи.

Однажды, во время вечерней службы, старецъ, усердно молясь, сталъ горько плакать и рыдать и послѣ службы, собравъ вокругъ себя сестеръ, предсказалъ печальныя событія, которыя произойдутъ въ монастырѣ и смѣну начальницы.

Дѣйствительно, въ монастырѣ вскорѣ возникли смуты. Игуменья была низложена, и на мѣсто ея была поставлена другая, но затѣмъ правда была восстановлена и прежняя игуменья вернулась на свое мѣсто.

Разставаясь съ Борисовскою обителью, отецъ Василій предсказалъ своимъ ученицамъ, что болѣе съ ними не увидится, а что онъ посѣтитъ его могилу, чтобы молиться о упокоеніи его души. Онъ просилъ ихъ исполнить невыполненный имъ за болѣзнию обѣтъ — побывать въ Воронежѣ и поклониться угоднику Божію Митрофану. Онъ просилъ ихъ также благословиться у глубоко чтимаго имъ архіерея Антонія Воронежскаго и просить у него молитвъ объ упокоеніи его души. Когда, впослѣдствіи, эта вѣсть была принесена архіепископу, онъ глубоко скорбѣлъ объ утратѣ старца и до конца дней своихъ молился объ упокоеніи души его.

Старецъ просилъ сестеръ не забывать подвиговъ поста и молитвы, не шадить тѣлесныхъ силъ своихъ и трудиться, памятуя о днѣ, когда онъ переселятся въ вѣчныя обители. Онъ поручалъ ихъ покрову Богоматери.

Въ назначенный для отъѣзда день въ обитель прибыло множество народа и среди нихъ—много духовныхъ особъ. Все это общество провожало старца съ пѣніемъ псалмовъ за нѣсколько верстъ отъ обители. Старецъ, опираясь на жезль, шелъ медленно рядомъ съ ученикомъ своимъ, Арсеніемъ, а народъ толпился вокругъ него, желая послѣдній разъ взглянуть на отъѣзжающаго старца.

Подойдя къ ожидавшей его повозкѣ, старецъ, поднявъ взоръ къ небу, помолился о всѣхъ и громко произнесъ: «Благословеніе Господне да будетъ на васъ всегда, нынѣ и присно,

и во вѣки вѣковъ». Потомъ онъ запѣлъ слова «Господи, помилуй», при чемъ—по его просьбѣ, всѣ подпѣвали ему, а затѣмъ—«Богородице Дѣво, радуйся».

Послѣ этого пѣнія отецъ Василиій въ трогательныхъ выраженіяхъ благодарилъ всѣхъ, провожавшихъ его, за усердіе и поклонился имъ до зѣмли и затѣмъ уѣхалъ.

Встрѣченный съ почетомъ въ Площанской пустыни, старецъ сталъ готовиться къ великому переходу. Онъ рѣже выходилъ изъ кельи и менѣе принималъ народъ, силы его ослабѣвали, но онъ не оставлялъ церковныя службы. На просьбы его учениковъ пощадить свои силы, онъ отвѣчалъ: «Именно, теперь надо мнѣ болѣе бодрствовать и пользоваться общей молитвою, скоро не увижу я рукотвореннаго храма и не услышу пѣнія его».

Въ кельѣ не оставлялъ онъ и молитвеннаго своего правила и, сидя, отправлялъ то, что не могъ исполнить стоя. За два мѣсяца до конца своего онъ просилъ своего ученика, который принималъ приходящихъ къ нему, относиться ко всѣмъ съ особою ласкою...

— Время мое приближается къ концу,—говорилъ онъ,—нужно со всѣми примириться и у всѣхъ попросить прощенія и святыхъ молитвъ.

Въ среду, на шестой недѣлѣ поста, отецъ Василиій исповѣдывался и приобщился за литургіей преждеосвященныхъ даровъ. Послѣ церковной службы зашелъ въ страннопримный домъ, простился со странниками и, давъ имъ наставленіе, просилъ поминать его по его смерти.

Въ кельѣ у себя онъ сталъ мастерить деревянный ящикъ для того, чтобы положить въ него подарки для странниковъ, но у него не хватило силъ додѣлать его, и онъ поручилъ его своему ученику.

Потомъ онъ сталъ благодарить Господа за всѣ благодѣянія, излитыя на него за всю его жизнь, и не разъ повторялъ: «Сто лѣтъ предъ Тобою, Господи, яко день вчерашній».

Страдая внутреннимъ жаромъ, старецъ легъ на кусокъ войлока, разостланнаго ему по его просьбѣ. Духовная бодрость въ немъ не изсякала, и онъ, не переставая, повторялъ свои любимыя стихи: «Упованіе мое—Отецъ»... «Хвалите имя Господне»... «Исполни, Чистая, веселія сердце мое»... Заставлялъ также читать ученика любимыя свои молитвы. Когда же его болѣзнь усилилась и умъ ослабѣвалъ, то онъ заставлялъ себя брать въ руки какую-нибудь работу.

Въ первый день Пасхи, 19-го апрѣля, отецъ Василиій приобщился, при чемъ—было замѣтно, какъ лицо его просіяло.

Многіе изъ братіи приходили къ нему поздравлять его съ праздникомъ и проститься съ нимъ.

Пріѣхаль изъ города Сѣвска его духовникъ Макарій, которому отецъ Василій явился во снѣ, прося, чтобы онъ поскорѣй пріѣхаль къ нему проститься.

Наступила Омина недѣля. Въ понедѣльникъ ученики видѣли старца въ особо веселомъ видѣ, и одинъ изъ нихъ воскликнулъ: «Радуюсь, отче, что ты здоровъ».

— Теперь болѣть болѣе не буду,—отвѣтилъ онъ.

Въ тотъ же день старецъ попросилъ этого ученика зажечь предъ иконами свѣчи, позвать настоятеля и собратъ братію. Узнавъ о томъ, что старецъ окончательно ослабѣлъ, настоятель съ братією собрались у смертнаго одра старца, и онъ утѣшал скорбящихъ о разлукѣ съ нимъ и просилъ молиться за него. Наконецъ,—онъ умолкъ, дважды вздохнулъ и предалъ Богу чистую свою душу.

Онъ казался спящимъ, и ничто не напоминало въ немъ смерти. Это было 27-го апрѣля 1831 года, на восемьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія его.

Тѣло отца Василія погребено въ Площанской пустыни, подъ алтаремъ Казанской церкви.

АЛЕКСѢЙ НЕОФИТОВИЧЪ ПРОКУДИНЪ.

АЛЕКСѢЙ Неофитовичъ Прокудинъ — мужъ благочестивый и богобоязненный—жилъ въ первой четверти минувшаго столѣтія, въ Нижегородской губерніи, въ двадцати верстахъ отъ Саровской пустыни.

Исполненный любви къ ближнему, онъ всю жизнь свою посвятилъ на дѣла милосердія. Слѣдуя слову Писанія: «Всякому просящему у тебя дай»,—Прокудинъ не жалѣлъ своего состоянія на нищихъ, больныхъ, вдовицъ, сирыхъ и убогихъ.

— Помилуйте, Алексѣй Неофитовичъ,—говорили ему домашніе и сосѣди,—что вы дѣлаете? Все раздаете, а дѣтямъ-то что останется?

— И, батюшка,—отвѣчалъ онъ, бывало, на это:—я вѣрю, что Богъ ихъ не оставитъ...

Ты слышишь ли, родной: вѣдь, онъ проситъ-то «Христа ради»: ну, такъ какъ же ему не подать?

Однажды, будучи въ дорогѣ, встрѣтилъ онъ полураздѣтаго нищаго. Замѣтивъ, что на этомъ человѣкѣ нѣтъ рубашки, Прокудинъ приказалъ кучеру остановиться, раздѣлся и, снявъ съ себя рубашку, отдалъ ее нищему. Точно такъ же поступилъ онъ, въ другой разъ, и съ шубой.

Алексѣй Неофитовичъ былъ женатъ на лютеранкѣ, дочери митавскаго суперъ-интенданта, Е. Ѳ. Фелькерзамъ. Будучи ревнителемъ православія, онъ скорбѣлъ о разномыслии съ нимъ въ вѣрѣ доброй супруги и нерѣдко пытался склонить ее просьбами и убѣжденіями къ принятію истиннаго ученія, но бесѣды эти оканчивались нерѣдко взаимнымъ смущеніемъ и недовольствомъ. Самъ Господь, исполняющій во благихъ желаніе сердца вѣрныхъ рабовъ Своихъ, внялъ скорби его въ предопредѣлен-

ное время и, наконецъ, обрадовалъ его необыкновеннымъ, почти чудеснымъ образомъ.

Это было такъ. Алексѣй Неофитовичъ былъ въ тѣсной духовной дружбѣ съ современнымъ ему подвижникомъ благочестія, схимонахомъ Саровской пустыни молчальникомъ Маркомъ. Отецъ Маркъ, проводя скитальческую жизнь, нерѣдко прихаживалъ къ Прокудину въ имѣніе его, село Круглые-Паны, и живалъ у него по цѣлымъ днямъ, пребывая лѣтомъ въ особо устроенной для него въ саду кельѣ, а зимой— въ отдѣльной уединенной комнатѣ.

Связанный объѣтомъ молчанія и всегда глубоко погруженный въ себя, отецъ Маркъ, зная жизнь своего друга и горячую любовь его къ Богу, разрѣшалъ тутъ уста свои и цѣлые дни и ночи проводилъ съ нимъ въ общей молитвѣ и въ собесѣдованіи о единомъ на потребу.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній—Алексѣй Неофитовичъ излилъ предъ богомудрымъ старцемъ свою душевную скорбь о разномыслии съ спутницей своей жизни, столь дорогой его сердцу, и о своихъ неудачныхъ попыткахъ преклонить ее на сторону православія.

— Оставь этотъ путь,—сказалъ старецъ:—ты этимъ ничего не достигнешь, а только можешь въ конецъ разстроить свое семейное согласіе: вѣдь, въ правду вѣруется сердцемъ, а сердце для убѣжденія требуетъ болѣе, чѣмъ голая слова,—ему потребно опытное внушеніе, по сказанному: «Вкусите и видите, яко благъ Господь». Отнынѣ ничего, ни единого слова, не говори съ своею супругою о разномыслии въ вѣрѣ, а лучше, вотъ, что: памятуя слова Спасителя: «Аще два отъ васъ совѣщаетесь на земли о всякой вещи, еяже аще просите, будетъ имъ отъ Отца Моего, Иже на небесѣхъ»,—помолимся о ней Богу Всемогущему, я у себя въ пустынькѣ, а ты—тутъ, дома. Онъ силенъ преклонить ея убѣжденія къ истинѣ православія, ими же вѣсть судьбами.

Условившись такимъ образомъ, они разстались. Раздѣленные пространствомъ, они совокуплялись духомъ въ неустанной ежедневной молитвѣ Наставнику и Подателю премудрости, да откроетъ Онъ умныя очи рабы Своей Елизаветы къ познанію и уразумѣнію истины православія. Недаромъ сказано: «Много можетъ сотворить молитва праведнаго!»

Не много прошло дней съ того времени, когда ревнители благочестія совѣщались о дѣлѣ ихъ совокупной молитвы,—какъ та, о вразумленіи которой творили они теплыя и усердныя молитвы, увидѣла чудный сонъ или, говоря правильнѣе, благодатное видѣніе.

Елизавета Федоровна поспѣшила передать о немъ мужу,

но, Алексѣй Неофитовичъ, вѣрный наставленіямъ старца, едва скрывая сердечную радость, равнодушно отвѣчалъ ей на это:

— Э, мой другъ, мало ли что видится во снѣ! Нельзя всему вѣрить!

Тотъ же сонъ повторяется и въ другой, и въ третій разъ со всею ясностью и опредѣленностью благодатнаго видѣнія. А сонъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Елизавета Федоровна увидѣла себя на берегу рѣки. Тотъ берегъ, по которому она ходила, былъ страшно крутой, обрывистый, совершенно безплодный и песчаный, тогда какъ противоположный берегъ манилъ взоры своею красотою и свѣжестью. Луговая сторона его была покрыта яркой зеленью, чудными ароматическими цвѣтами и деревьями, на которыхъ висѣли сочные и питательные плоды. Было жарко. Жажда томила горемычную путницу. Между тѣмъ, крутизна берега не позволяла ей спуститься къ водѣ, горячій песокъ жегъ ей ноги, позади же—ни воды, ни тѣни, ни дерева съ живительнымъ плодомъ: все мертво, пусто, безжизненно... Въ недоумѣніи и ужасѣ она не знала, что дѣлать...

Вдругъ—на противоположномъ берегу показался старецъ, лѣтъ преклонныхъ и вида благообразнаго. Поманя ее рукою, онъ привѣтливо сказалъ ей:

— А что-жъ ты медлишь переходить на нашъ берегъ?

— Да какъ же я перейду,—отвѣчала она,—если я не могу даже подойти съ этой стороны къ водѣ, чтобы утолить нестерпимую жажду? Но кто же ты, добрый старецъ?

— Я,—отвѣчалъ онъ,—Марко Ораческій. Когда примешь истинную вѣру, то перейдешь сюда.

При этомъ онъ наклонилъ растущее у берега дерево, которое послушно легло широкимъ мостомъ черезъ рѣку. Старецъ перешелъ ее и подаль руку тосковавшей женѣ и безопасно перевелъ ее на свою сторону.

Увидавъ въ третій разъ этотъ явно знаменательный сонъ, Елизавета Федоровна не захотѣла уже далѣе откладывать своего обращенія къ православію, а прямо потребовала отъ мужа, чтобы онъ немедленно послалъ въ Арзамасъ, къ бывшему тогда архимандриту тамошняго Спасскаго монастыря Александру, который и присоединилъ ее къ православной церкви.

Обрадованный такимъ осязательнымъ знакомъ благоволенія Божія, Алексѣй Неофитовичъ тогда же заказалъ въ Москвѣ одному изъ извѣстныхъ художниковъ сдѣлать большую картину, изображающую подробно это благодатное видѣніе, обратившее его любимую супругу въ нѣдра святой православной греко-россійской церкви.

Алексѣй Неофитовичъ скончался мирною христіанскою кончиною, съ напутствіемъ страшныхъ Христовыхъ Тайнъ, на 42-мъ году отъ рожденія, 1827 года, 1-го октября, въ день Покрова Божіей Матери.

Во всю жизнь свою питаль онъ къ Заступницѣ рода человѣческаго горячее чувство сыновней любви и даже въ обыкновенныхъ бесѣдахъ называль Ее не иначе, какъ: «Матушка-моя, Заступница моя».

Убогіе и нищіе горько оплакивали раннюю кончину обнищавшаго ихъ ради и на своихъ плечахъ несли его до мѣста вѣчнаго упокоенія.

Тогда уже не было въ живыхъ духовнаго друга его, схимонаха Марка, зато другой великій подвижникъ Саровской пустыни, Серафимъ, приготовиль раба Божія къ переходу въ лучшую жизнь.

— Готовься, Алексѣй,—сказаль онъ ему при послѣднемъ свиданіи:—тебѣ предстоятъ золотыя горы.

Алексѣй Неофитовичъ самъ назначиль себѣ мѣсто для могилы и сталъ готовиться къ смерти, какъ къ приему давно желаннаго друга, съ упованіемъ и твердостью христіанина.

Алексѣй Неофитовичъ очень любиль умиротворять враждующихъ между собою. Надобно было видѣть, какъ радовался онъ, когда благоволеніемъ Божіимъ—усилія его увѣнчались желаннымъ успѣхомъ.

Памятникомъ благочестія Алексѣя Неофитовича остались двѣ церкви, построенныя имъ по обѣимъ сторонамъ его сельскаго дома: одна—во имя Казанской Божіей Матери, и другая—во имя святителя Николая Чудотворца. Имъ же пожертвовано въ московскій Успенскій соборъ богатое украшеніе: распятіе, которое и понынѣ извѣстно подъ именемъ «Прокудинскаго».

Елизавета Ѳедоровна Прокудина пережила благочестиваго своего супруга ровно двадцатью годами и скончалась въ 1847 году, 3-го октября, бывъ строгой ревнительницею преданій и уставовъ церкви православной.

Сохранилось драгоцѣнное свидѣтельство о нравственномъ образѣ Алексѣя Неофитовича (или, какъ звали его въ обществѣ, Алексѣя «Нефедыча») въ воспоминаніяхъ о немъ госпожи Аксаковой.

Госпожа Аксакова въ дѣтствѣ своемъ съ нѣсколькими семьями высшаго нижегородскаго общества побывала въ Саровѣ, у старца Серафима.

Богомольцы не застали старца въ его саровской кельѣ: очевидно, онъ ушелъ въ свое лѣсное уединеніе.

— Попробуйте сами, не откликнется ли кому изъ васъ?—сказаль старикъ вожатый, обращаясь къ богомольцамъ.

Обычный возгласъ у закрытой двери повторили другіе,—пробовали и женщины и дѣти...

— Чтобы вамъ, Алексѣй Нефедовичъ,—робко пригласила моя мать высокогаго господина въ отставномъ гусарскомъ мундирѣ, человѣка еще молодого по гибкости стана и блеску черныхъ глубокихъ глазъ,—старца же по сѣдинѣ въ усахъ и по морщинамъ, бороздившимъ высокій лобъ.

Алексѣй Неофитовичъ Прокудинъ быстро прошелъ къ двери, нагнулся къ ней и съ увѣренностью друга дома, съ улыбкой уже готоваго привѣта на лицѣ, мягко проговорилъ груднымъ теноромъ:

— Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ!

И на его симпатичный голосъ не послышалось, однако, отвѣта изъ-за закрытой двери.

— Коли вамъ, Алексѣй Нефедовичъ, не отвѣтилъ, стало быть—старца-то и въ кельѣ нѣтъ! Идти развѣ, понавѣдаться подь окномъ, не выскочилъ ли онъ, какъ послышался грохотъ вашего поѣзда на дворѣ?

Мы вышли за сѣденькимъ вожатымъ изъ корридора другимъ, уже болѣе короткимъ путемъ. Сбогнувъ за нимъ уголь корпуса, мы очутились на небольшой площадкѣ, подь самымъ окномъ отца Серафима. На площадкѣ этой—между двумя древними могилами, дѣйствительно, оказались слѣды отъ двухъ, обутыхъ въ рабочіе лапти, ногъ.

— Убѣгъ,—озабоченно проговорилъ сѣденькій монашекъ, смущенно поворачивая въ рукахъ ненужный теперь ключъ отъ опустѣвшей кельи.

Послѣ панихиды отецъ игумень благословилъ насъ, богомольцевъ, отыскивать отца Серафима въ бору:

— Далекю ему не уйти,—утѣшалъ игумень:—вѣдь, онъ, какъ и отецъ нашъ Маркъ, сильно калѣченъ на своемъ вѣку. Сами увидите: гдѣ рука, гдѣ нога, а на плечикѣ горбъ. Медвѣды ли его ломаль... Люди ли били... Вѣдь, онъ—что младенецъ, не скажетъ. А все врьдъ ли вамъ отыскать его въ бору. Въ кусты спрячется, въ траву заляжетъ. Развѣ самъ откликнется на дѣтскіе голоса. Забирайте дѣтей-то побольше, да чтобы напередъ васъ шли. Непремѣнно бы впереди бѣгли...—кричалъ еще игумень во слѣдъ уже двинувшейся къ лѣсу толпѣ.

Весело было сначала бѣжать дѣтямъ однимъ, совсѣмъ однимъ;—безъ присмотра и безъ надзора бѣжать по мягкому, бархатному слою сыпучаго песка. Лѣсъ становился все гуще и рослѣе. Подь высокими сводами громаднхъ елей стало совсѣмъ темно... По счастью, гдѣ-то вдалькѣ блеснулъ, засвѣтился солнечный лучъ между иглистыми вѣтвями... Они ободрились, побѣжали на мелькнувшій вдалькѣ просвѣтъ, и скоро

всѣ вразсыпную выбѣжали на зеленую, облитую солнцемъ поляну.

Смотрятъ: около корней отдѣльно стоящей на полянѣ ели работаетъ, пригнувшись чуть ли не къ самой землѣ, низенькій худенькій старецъ, проворно подрѣзая серпомъ высокую лѣсную траву. Серпъ же такъ и сверкаетъ на солнечномъ припекѣ.

Заслышавъ шорохъ въ лѣсу, старичекъ быстро поднялся, настороживъ ухо къ сторонѣ монастыря, и затѣмъ, точно спугнутый заяцъ, проворно шарахнулся къ чащѣ лѣса. Но онъ, не успѣвъ добѣжать, запыхался, робко оглянувшись, юркнулъ въ густую траву недорѣзанной имъ куртины и скрылся отъ дѣтей изъ виду. Тутъ только вспомнился дѣтямъ родительскій наказъ при входѣ въ боръ, и они чуть ли не въ двадцать голосовъ дружно крикнули:

— Отецъ Серафимъ! Отецъ Серафимъ!

Заслышавъ неподалеку отъ себя звукъ дѣтскихъ голосовъ, отецъ Серафимъ не выдержалъ въ своей засадѣ, и старческая голова его показалась изъ-за высокихъ стеблей лѣсной травы. Приложивъ палецъ къ губамъ, онъ умильно поглядывалъ на насъ, какъ бы упрашивая ребятокъ не выдавать его старшимъ, шаги которыхъ уже слышались въ лѣсу.

Протоптавъ къ намъ дорожку черезъ всю траву, онъ, опустившись на траву, поманилъ дѣтей къ себѣ и—крошка Лиза первая бросилась старичку на шею, прильнувъ нѣжнымъ лицомъ къ его плечу, покрытому рубищемъ.

— Сокровища, сокровища... — приговаривалъ онъ едва слышнымъ шопотомъ, прижимая каждого изъ дѣтей къ своей худенькой груди.

Дѣти обнимали старца, а, между тѣмъ, замѣшавшійся въ толпу дѣтей подростокъ, пастушекъ Сема, бѣжалъ со всѣхъ ногъ обратно къ сторонѣ монастыря, зычно выкрикивая:

— Здѣсь, сюда. Вотъ, онъ... Вотъ, отецъ Серафимъ. Сю-ю-да-а!..

Старецъ пошелъ одинъ, слегка прихрамывая, къ своей хибаркѣ надъ ручьемъ. Подойдя къ ней, онъ оборотился лицомъ къ поджидавшимъ его богомольцамъ. Ихъ было очень много.

— Нечѣмъ мнѣ угостить васъ здѣсь, милые,—проговорилъ онъ мягкимъ, сконфуженнымъ тономъ домохозяина, застигнутого врасплохъ среди разгара рабочаго дня.

И старецъ проситъ дѣтей нарвать лучку изъ его огорода.

Получивъ его благословеніе, всѣ стали поодаль почтительнымъ полукругомъ, и смотрѣли издали на того, кого пришли посмотреть и послушать.

Много было тутъ лицъ, опечаленныхъ недавнимъ горемъ;

большинство крестьянокъ повязано было, въ знакъ траура, бѣлыми платками. Дочь старой няни, недавно умершей отъ холеры, тихо плакала, закрывъ лицо передникомъ.

— Чума тогда—теперь холера, — медленно проговорилъ пустынный, какъ будто припоминая про себя что-то давно, давно минувшее.

— Смотрите!—громко сказалъ онъ. — Вотъ, тамъ ребяташки срѣжутъ лукъ—не останется отъ него поверхъ земли ничего... Но онъ подымѣтся, вырастетъ сильнѣе и крѣпче прежняго... Такъ и наши покойнички,—и чумные, и холерные... И всѣ возстанутъ лучше, краше прежняго. Они воскреснутъ. Воскреснутъ. Воскреснутъ, всѣ до единого...

Не къ язычникамъ обращался пустынный съ вѣстью о воскресеніи. Всѣ тутъ стоявшіе твердили смолоду «о жизни будущаго вѣка». Всѣ мѣнялись радостнымъ привѣтствіемъ въ «свѣтлый день». А, между тѣмъ, это громкое: «воскреснутъ», «воскреснутъ» — провозглашенное въ глухомъ бору, устами, такъ мало говорившими въ теченіе жизни, пронеслось надъ поляной, какъ завѣреніе въ чемъ-то несомнѣнномъ, близкомъ.

Надъ смолкнувшей поляной какъ будто тихій ангелъ пролетѣлъ.

Отецъ Серафимъ поманилъ къ себѣ Прокудина рукой:

— Скажи имъ, —сказалъ онъ, —сдѣлай милость, скажи всѣмъ, чтобъ напились скорѣй изъ этого тамъ родника. Въ немъ вода хорошая. А завтра я самъ буду въ монастырѣ. Непремѣнно буду.

Настало прощальное свиданіе со старцемъ. Всѣ, богатые и бѣдные, ожидали его, толпясь около церковной паперти. Когда онъ показался въ церковныхъ дверяхъ, глаза всѣхъ были устремлены на него. На этотъ разъ онъ былъ въ полномъ монашескомъ одѣяніи и въ служебной епитрахили. Высокій лобъ его и всѣ черты его подвижнаго лица сіяли радостью человѣка, достойно вкусившаго Тѣла и Крови Христовыхъ; въ глазахъ его, большихъ и голубыхъ, горѣлъ блескъ ума и мысли. Онъ медленно сходилъ со ступеней паперти и, несмотря на прихрамываніе и горбъ на плечѣ, казался и былъ величаво прекрасенъ.

Живо помню звуки голоса, говорившаго, «какъ власть имѣющій» малому стаду собравшихся въ Саровѣ богомольцевъ.

Но—вотъ—паломники, между которыми, какъ всегда, было много хилыхъ, слабыхъ отъ старости, женщинъ и дѣтей, стали расходиться и развѣзжаться. На монастырскомъ дворѣ, то и дѣло, слышался грохотъ отъѣзжавшихъ экипажей болѣе состоятельныхъ богомольцевъ.

И наши лошади стояли у крыльца гостиницы. Сытые кони били о-земь копытами, поторапливая своимъ нетерпѣніемъ прислугу, разносившую по экипажамъ нашу дорожную кладь. Къ Алексѣю Нефедовичу, ѣхавшему верхомъ и заносившему уже ногу въ стремя, подошелъ старый монастырскій служка.

— Еще утрься,—сказалъ онъ,—отецъ Серафимъ, выходя изъ церкви, изволилъ шепнуть мнѣ мимоходомъ свой наказъ, чтобы вы, Алексѣй Нефедовичъ, не отъѣзжали вечеромъ, не повидавшись съ нимъ еще разъ.

— Проститесь хочеть старый другъ, отецъ мой духовный,—замѣтилъ на это Прокудинъ и, оборотившись къ намъ, промолвилъ:

— Идите за мной и вы всѣ!..

И, вотъ, вся наша семья, съ отставнымъ гусаромъ во главѣ, снова потянулась по длиннымъ корридорамъ корпуса.

Дверь въ прихожую отшельника была открыта настежь, какъ бы приглашая войти. Мы молча размѣстились вдоль стѣны длинной и узкой комнаты, напротивъ дверей внутренней кельи.

Послѣдній замиравшій лучъ заходившаго солнца падалъ на выдолбленный изъ дубоваго кряжа гробъ, уже десятками лѣтъ стоявшій тутъ въ углу, на двухъ поперечныхъ скамьяхъ. Прислоненная къ стѣнѣ, стояла на-готовѣ и гробовая крышка...

Дверь кельи беззвучно и медленно отворилась. Неслышными шагами подошелъ старецъ къ гробу. Блѣдно было его безкровное теперь лицо, глаза смотрѣли куда-то въ даль, какъ будто сосредоточенно вглядываясь во что-то невидимое, занявшее всю душу, весь внутренній строй человѣка.

Въ рукѣ его дрожало пламя поверхъ пучка зажженныхъ восковыхъ свѣчей. Налѣпивъ четыре свѣчи на окраинахъ гроба, онъ поманилъ къ себѣ Прокудина и, затѣмъ, пристально и грустно глянулъ ему въ глаза. Перекрестивъ дубовый гробъ широкимъ крестомъ, онъ глухо, но торжественно проговорилъ:

— Въ Покровъ...

Слово святого старца было понято какъ самимъ Прокудинымъ, такъ и окружающими, какъ предсказаніе его—Прокудина — кончины. Подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ этого предсказанія покинули мы Саровскую обитель.

Вотъ, какъ сбылось пророчаніе батюшки отца Серафима, а сбылось оно въ томъ же году.

Наступилъ праздникъ Покрова Богородицы. Что сдѣлалось въ этотъ день съ нашимъ Нижнимъ, всегда такимъ спокойнымъ, когда съ него сбываетъ ярмарочная суматоха и онъ засыпаетъ на всю зиму, какъ бы мертвымъ сномъ. Четверня за четверней несется мимо нашего дома на концѣ Малой Покровки. Кажется—всякій, имѣющій экипажъ, далъ себѣ слово проѣхаться

по этой улицѣ, поворотить направо и остановиться передъ большимъ бѣлымъ домомъ баронессы Моренгеймъ. Здѣсь въ эту зиму квартировалъ А. Н. Прокудинъ. Онъ сегодня приобщался Святыхъ Тайнъ и весь городъ ѣхалъ сюда, чтобы его поздравить. И наши всѣ старшіе отправились туда же. Лошадей, разумѣется, не запрягали, такъ какъ изъ оконъ нашей гостиной видны были наискось окна дома Моренгеймъ. Насъ меньшихъ, меня и сестренку, оставили подъ охраной мадамъ Оливейра, старушки испанки, которую Прокудинъ отыскалъ гдѣ-то въ трущобахъ Москвы, умирающую отъ голода и нужды, и привезъ въ домъ моей матери, чтобы она ее выходила и откормила, пока священникъ, отецъ Павелъ, будетъ ее обучать догматамъ и обрядамъ нашей вѣры.

Пламеннымъ желаніемъ испанки было уже теперь постричься въ монахини въ лежащемъ неподалеку Дѣвичьемъ монастырѣ. Сидя въ этотъ памятный день съ нами, дѣвочками, и работая свое нескончаемое штучное одѣяло, бѣдная иностранка посматривала на свои дряхлыя, худыя руки и вздыхала, думая, вѣроятно, когда-то онѣ пополнѣютъ? Но, вотъ, тщательно сложивъ свою работу, она сказала намъ:

— Не пойти ли намъ тоже съ вами прогуляться до дома Моренгеймъ? Въ домъ мы съ вами, разумѣется, не войдемъ, но мы можемъ уловить минуту, когда мой благодѣтель выйдетъ на балконъ, чтобы поклониться ему и поздравить его.

Мы собрались въ одну минуту и, завернувъ за уголь, стали медленно прохаживаться передъ домомъ, гдѣ уже гуляли другіе—кто съ гувернанткой, а кто и съ нянькой.

На колокольнѣ ближней церкви пробило два часа. Стекляная дверь на балконѣ Моренгейма зашевелилась, но когда она открылась, то изъ нея вышелъ не хозяинъ дома, а только общій всему Нижнему врачъ и другъ Линдегринъ. Робко подошла къ рѣшеткѣ испанка, спрашивая:

— Что нашъ Прокудинъ?

— Что вашъ Прокудинъ?—отвѣтилъ докторъ.—Онъ здоровѣе всѣхъ насъ и, вѣроятно, доживетъ до ста лѣтъ. Теперь прохаживается себѣ по комнатамъ своимъ добрымъ шагомъ, угощая своихъ гостей разказами о дѣлахъ Спасителя на землѣ и такъ рассказываетъ, что всякому кажется, будто бы онъ слышитъ это въ первый разъ. Желая совершенно убѣдиться въ его здоровьи, я выдумалъ какой-то глупый анекдотъ, гдѣ пришлось щупать пульсъ у каждаго изъ гостей. Я пощупалъ пульсъ у толстаго господина Смирнова и у старой мадамъ Погуляевой, и пульсъ того, который, по предсказанію, долженъ былъ скончаться въ этотъ день, оказался ровнѣе и крѣпче всѣхъ. Извольте послѣ этого вѣрить предсказаніямъ!

И добрый нѣмецъ, повернувшись на одной ножкѣ, почтительно поклонился испанкѣ, послалъ каждой изъ насъ по воздушному поцѣлюю и ушелъ обратно за стеклянную дверь.

На колокольнѣ пробило половина третьяго. Вдругъ—стеклянная дверь наверху распахнулась, и сбѣжалъ опрометью по ступенямъ блѣдный, какъ смерть, лакей; онъ кричалъ:

— Умираетъ, меня послали за духовникомъ.

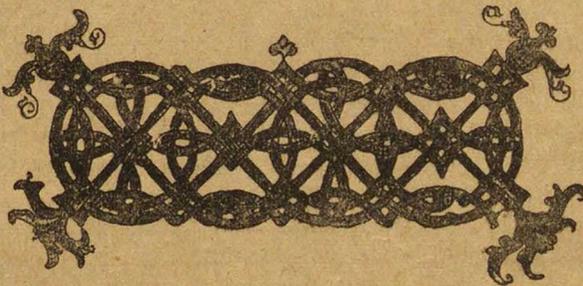
Но какъ ни близка была церковь и какъ ни спѣшилъ отецъ Павелъ, все же—ему пришлось дочитать отходную надъ усопшимъ надъ холодѣющимъ уже трупомъ того, кого блѣдые и богатые называли другомъ нищихъ и убогихъ. Умирая, онъ опустился на кресло, прильнувъ головой къ его высокой спинкѣ. Правильныя, благородныя черты лица отставного гусара были совершенно спокойны. Казалось—это младенецъ, тихо уснувшій на колѣняхъ матери.

— Преставился, — громко сказалъ сѣдовласый пономарь, стоявшій съ кадиломъ въ рукахъ.

— Да,—прибавилъ священникъ, утирая крупную слезу со щеки:—и теперь онъ тамъ, откуда же отбѣже и печаль и болѣзнь и воздыханіе.

Врачи не обнаружили въ скончавшемся никакой болѣзни и не отыскивали никакихъ признаковъ приближавшейся смерти.

Можетъ статься, въ Нижнемъ или въ окрестностяхъ Сарова найдется кто-либо, еще помнящій смерть Прокудина, этого челоуѣка, горячо любившаго Бога и ближняго. Онъ, вѣроятно, подтвердитъ мои воспоминанія. Помнятъ ли въ Саровѣ или нѣтъ прорицательное слово, сказанное отшельникомъ своему другу и ученику, въ виду издавна приготовленнаго имъ для себя гроба,—не знаю. Во всякомъ случаѣ—оно сбылось.

ІЕРОМОНАХЪ МАКСИМЪ

(«строитель» обители преп. Меодія Пѣшношскаго).

ПѢШНОШСКИЙ монастырь—обитель преподобнаго Меодія Пѣшношскаго—находится въ Московской губерніи, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ двадцати пяти верстахъ отъ города Дмитрова и въ тридцати пяти — отъ города Клина. Въ этой обители съ благоговѣніемъ поминають бывшихъ настоятелей—архимандрита Игнатія, скончавшагося въ 1796 году и архимандрита Макарія, скончавшагося въ 1811 году. Этимъ настоятелямъ обитель обязана тѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ благоустройствомъ, которыя высоко поставили ее въ ряду общежительныхъ русскихъ монастырей, когда она уже клонилась къ упадку и уничтоженію. Изъ учениковъ архимандрита Макарія обитель помнитъ жизнь строителя іеромонаха Максима.

Строитель іеромонахъ Максимъ назывался въ мірской жизни Никитой и родился въ 1755 году, въ Твери, отъ благочестивыхъ родителей купеческаго званія—Василія и Параскевіи Погудкиныхъ. У отца его была обширная пряничная торговля, и по любви къ церкви Божіей онъ служилъ церковнымъ старостой при кафедральномъ тверскомъ соборѣ. Дѣтей своихъ Погудкины воспитывали въ благочестіи и страхѣ Божіемъ, и среди нихъ особенно выдѣлялся Никита. Ревность къ духовному чтенію, молитва, строгое воздержаніе—все показывало въ немъ особеннаго человѣка. Родители радовались на него и не стали ему возражать, когда — на тридцатомъ году своей жизни—онъ открылъ имъ свое давнишнее намѣреніе поступить въ монастырь.

Въ это время до слуха Никиты дошла вѣсть, что Пѣшношскій монастырь обновляется по новому общежительному

уставу. Никитѣ захотѣлось видѣть эту обитель, и онѣ, протрившись съ родителями, отправился одинѣ въ путь. До Пѣшноши онѣ дошелѣ благополучно, но вслѣдствіе разлива рѣки Яхромы, которая протекаетъ около обители, долженѣ былѣ остановиться въ верстѣ отъ монастыря, при часовнѣ преподобнаго Меѳодія, и ждать здѣсь перевоза. Тутѣ, глядя на обитель, окруженный водами, онѣ думалѣ о ней, какъ о тихомѣ пристанищѣ среди волненій житейскаго моря.

Молодой послушникѣ-перевозчикѣ, впоследствии Самуиль, строитель Голутвинскій, извѣстный своею строгою жизнью, перевезѣ его въ монастырь и представилѣ его настоятелю, іеромонаху Игнатію.

Отецъ Игнатій былѣ изъ числа учениковѣ знаменитаго старца отца Феодора, происходившаго изъ извѣстнаго рода дворянѣ Ушаковыхѣ и служившаго въ юности въ міру въ Преображенскомѣ полку. За свое заступничество за крестьянѣ противѣ мѣстнаго недобросовѣстнаго воеводы отецъ Феодорѣ изъ обновленной имѣ Санаксарской пустыни, гдѣ онѣ со своими учениками велѣ въ высшей степени строгую жизнь, былѣ посланѣ въ заточеніе въ Соловки. Тогда вся братія санаксарская разошлась по другимѣ монастырямѣ. Отецъ Игнатій поселился въ Введенской Островской пустыни, близѣ города Покрова, Владимірской епархіи, у строгаго подвижника, отца Клеопы. Этотѣ воспитатель отца Игнатія снабдилѣ его той духовной мудростью, которая появилась въ немѣ въ качествѣ строителя Пѣшноши и настоятеля знаменитыхѣ монастырей Тихвинскаго Новгородскаго и Симонова Московскаго, гдѣ онѣ завелѣ общежительный уставѣ.

Когда, въ 1785 году, Никита пришелѣ на Пѣшношу, тамѣ только что вводился общежительный уставѣ. Требовалась большая ревность и терпѣніе, чтобы перенести всѣ труды монастырской жизни. Обитель была неустроенная, братія малочисленная, богослуженіе продолжительное. Не привыкшіи къ такимѣ подвигамѣ, Никита впалѣ въ уныніе и задумалѣ оставить обитель. Прозорливый отецъ Игнатій замѣтилѣ это. Однажды онѣ, призвавъ его къ себѣ, долго уговаривалѣ его не предаваться отчаянію, не обращаться назадѣ, но не успѣлъ уговорить его, и Никита, выйдя изъ обители, вернулся домой. Но мірская жизнь была не по немѣ. Онѣ тосковалѣ теперь въ міру, вкусивши жизни монастырской, — еще больше, чѣмъ раньше, — и не въ силахѣ былѣ оставаться дома. Онѣ пошелѣ на сѣверѣ Россіи, въ Соловецкій монастырь. Однако, суровый климатѣ Соловковѣ показался ему невыносимымѣ.

Въ это время онѣ услышалѣ, что выходецѣ изъ Сарова, отецъ игуменѣ Назарій, вводитѣ новый уставѣ въ древней Ва-

лаамской обители. Никита поступилъ на Валаамъ, гдѣ мечталъ окончить свои дни. Но отецъ Назарій, который пристально слѣдилъ за своими иноками, замѣтилъ, что въ немъ есть ревность не по разуму, не соотвѣтствующая его лѣтамъ, представляющая для него не малую опасность. Объ этомъ своемъ открытіи онъ обиняками повѣдалъ Никитѣ въ такихъ словахъ:

—Одинъ послушникъ жилъ на Пѣшношѣ и прежде времени началъ заниматься умною Иисусовою молитвою. Старецъ ему это воспретилъ, но онъ не послушался, перешелъ въ нашъ Валаамскій монастырь и у насъ продолжалъ заниматься тою же молитвою. Это ему и здѣсь воспрещалось, но онъ оставался непокорнымъ. Такъ онъ впалъ въ прелесть вражію. Въ одинъ праздникъ взошелъ на высокую колокольню, бросился на землю и убился до смерти, чѣмъ лишилъ себя и временной, и вѣчной жизни. Это было недавно,—заклучилъ старецъ свою иносказательную рѣчь.

Никита, понявъ наставленіе, рѣшился тогда распротиться съ Валаамомъ.

Родители Никиты были еще живы, и онъ опять устроился у нихъ, но остался тамъ не долго. Онъ все продолжалъ мечтать о монашествѣ. Въ Твери онъ сблизился съ купеческимъ сыномъ Петромъ Волковымъ, который раздѣлялъ съ нимъ его мечты. Они порѣшили вмѣстѣ поступить въ одинъ монастырь, взяли благословеніе отъ родителей, выправили себѣ паспорта и пришли въ Пѣшношу.

Въ это время строитель Игнатій дѣйствовалъ уже въ качествѣ архимандрита извѣстнаго Тихвинскаго монастыря, Новгородской епархіи, а на Пѣшношѣ его замѣнилъ іеромонахъ Макарій, онъ и принялъ обоихъ пришельцевъ.

Отецъ Макарій былъ достойный преемникъ отца Игнатія. Къ нему имѣлъ особое довѣріе знаменитый митрополитъ Платонъ. Онъ возстановилъ восемь монастырей, и двадцать четьре ученика его были настоятелями въ разныхъ обителяхъ.

Отъ Игнатія Макарій получилъ обитель неустроенною. Макарій же не только поднялъ ее изъ развалинъ, но и духовно возстановилъ ее и прославилъ. Онъ же ввелъ въ ней новый общежительный уставъ. Этотъ уставъ святой Аѳонской горы имѣлъ въ виду не только порядокъ церковной службы, но и все монастырское благочиніе.

Послушникъ Никита смиренно подчинился требованіямъ строгаго устава, былъ неутомимъ въ церковной и келейной молитвѣ, трудолюбивъ въ послушаніяхъ и во всякомъ ремеслѣ, необходимомъ общежитію.

Въ 1795 году, въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, Никита Погудкинъ былъ постриженъ отцомъ Макаріемъ въ мантию, съ име-

2015532294

немъ Максима. Черезъ два года онъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха и затѣмъ избранъ духовникомъ братіи, ризничимъ и библіотекаремъ. Вскорѣ и другъ его, послушникъ Петръ Волковъ, съ которымъ онъ пришелъ на Пѣшношу изъ Твери, постриженъ былъ въ мантию, съ именемъ Пахомія.

Въ качествѣ духовника, отецъ Максимъ хотѣлъ стать примѣромъ для всей братіи. Ему хотѣлось спастись въ безмолвіи, но Богъ опредѣлилъ ему другіе пути.

Въ 1793 году отецъ Макарій построилъ въ двухъ верстахъ отъ обители, въ монастырскомъ лѣсу, пустынные кельи, чтобы временами туда уединяться и дать возможность уединяться и другимъ любителямъ безмолвія. Среди нихъ былъ и іеромонахъ Максимъ. Но его жизнь въ пустыни, которая—вообще—представляетъ собою очень много опасностей, была прервана для Максима такимъ обстоятельствомъ.

Однажды, въ полночь, онъ стоялъ на молитвѣ, какъ вдругъ совнѣ кельи послышался необыкновенный шумъ и говоръ. Онъ страшно перепугался и бросился опрометью въ монастырь, и затѣмъ уже никогда не удалялся въ пустыню.

Въ 1805 году митрополитъ Платонъ, который отличалъ Пѣшношскую обитель и называлъ ее «училищемъ благочестія, примѣромъ жизни монашеской», назначилъ ея настоятеля Макарія завѣдующимъ многими обителями, гдѣ Макарій долженъ былъ заводить общежитіе по образцу Пѣшноши и назначать въ нихъ настоятелей изъ своихъ учениковъ. Въ московскій Срѣтенскій монастырь былъ назначенъ настоятелемъ, противъ своей воли, отецъ Максимъ. Онъ не подчинился этому требованію и явился къ митрополиту просить его избавить его отъ этой чести. Владыка показалъ себя строгимъ и вмѣсто настоятельства послалъ его въ тотъ же Срѣтенскій монастырь въ число братства. Вскорѣ, однако, отецъ Максимъ перешелъ въ Берлюковскую пустынь, гдѣ былъ назначенъ строителемъ его другъ Пахомій. Въ Берлюкахъ любитель безмолвія хотѣлъ приготовить себѣ для жительства пещеру. Но такъ какъ мѣсто было песчаное, съ просачивающейся водой, то начатая имъ пещера обрушилась.

Послѣ смерти, въ 1811 году, Пѣшношскаго архимандрита Макарія, былъ переведенъ на Пѣшношу изъ Берлюковской пустыни отецъ Пахомій, который взялъ съ собою и отца Максима на прежнюю должность казначея и духовника братіи.

Въ 1812 году Господь сохранилъ Пѣшношу, какъ и Троице-Сергіеву лавру отъ нашествія французовъ, хотя они были отъ нея всего въ двадцати пяти верстахъ. Тѣмъ не менѣе, братія была распущена, а монастырскія цѣнности—утварь, ризница и ризы съ иконъ—запечатаны въ ящики и отправлены, съ каз-

начеемъ, отцомъ Максимомъ, въ село Кимры на Волгѣ, въ Тверской губерніи.

Въ 1819 году строитель Пахомій былъ уволенъ отъ управленія обителью, и митрополитъ Серафимъ предписалъ консисторіи высказать свое мнѣніе, кого опредѣлить въ Пѣшношскую обитель, «яко первѣйшую и знатнѣйшую пустынь» строителемъ. Былъ представленъ строитель Коломенскаго Бобренева-Голутвина монастыря, отецъ Самуиль. Но голутвинскіе монахи заявили, что они уйдутъ за Самуиломъ на Пѣшношу, а коломенскіе жители просили не лишать ихъ отца Самуила и оставить его по-прежнему въ Голутвинскомъ монастырѣ. Самуиль былъ оставленъ, но ему было предписано немедленно отправиться на Пѣшношу и избрать, съ согласія лучшей братіи, достойнѣйшаго изъ нихъ въ строители.

Всѣ указали на Максима. Но онъ отнѣкивался, указывая— между прочимъ— на свои преклонные годы и тѣлесную немощь. Въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ согласиться.

Около этого времени съ отцомъ Максимомъ случилось странное происшествіе. Однажды, ночью, онъ найденъ былъ въ своей кельѣ завернутымъ въ полушубокъ, скорченнымъ и втиснутымъ подъ келейный столикъ; едва живого вынули его изъ-подъ столика. Старецъ послѣ этого долго былъ нездоровъ, но оправился и никому никогда не говорилъ объ этомъ искушеніи. Видѣвшіе страданія его дивились, какъ онъ могъ остаться живымъ, какъ могли остаться на своихъ мѣстахъ его кости. Несомнѣнно, это было вражеское искушеніе.

Промыслъ Божій устроилъ такъ, что тотъ самый отецъ Самуиль, который когда-то, бывши послушникомъ и неся послушаніе на перевозѣ, представилъ въ первый разъ молодого Никиту, будущаго отца Максима, Пѣшношскому настоятелю,— теперь привезъ его, какъ выборнаго пѣшношской братіи, къ Московскому митрополиту.

Съ водвореніемъ на настоятельствѣ отца Максима какъ будто вернулись блаженные дни отца Макарія. Такъ же продолжительно совершалось богослуженіе, такъ же чинно стояла братія, то же слышалось стройное благоговѣнное пѣніе, внятное чтеніе, та же была простота въ обращеніи и назидательной жизни настоятеля.

Отецъ Максимъ пользовался такимъ уваженіемъ среди крестьянъ, что ему удавалось прекращать между ними поземельные споры. Они боялись оскорбить чѣмъ-нибудь отца Максима, не ловили въ монастырскихъ рыбныхъ ловляхъ, не рубили лѣса и не травили луговъ и даже не позволяли своей молодежи пѣть пѣсенъ въ виду монастыря.

Филаретъ, смѣнившій митрополита Серафима на Москов-

ской каедрѣ, относился къ отцу Максиму съ неизмѣнною любовью и уваженіемъ.

При отцѣ Максимѣ Пышношская обитель украшалась, обогащалась и прославлялась, какъ было при архимандритѣ Макаріи. Много было привезено при немъ святынь, много возведено зданій.

Замѣчательное обстоятельство сопровождало освященіе больничной церкви въ 1829 году. Митрополитъ былъ намѣренъ въ этотъ день освященія храма возвести отца Максима въ санъ игумена. Максимъ просилъ избавить его отъ этой чести и на настоянія владыки объявилъ, что рѣшительно уклоняется. Опасаясь, тѣмъ не менѣе, что митрополитъ во время литургіи рукоположить его, онъ нашелъ предлогъ въ день освященія храма уклониться отъ сослуженія въ литургіи. Митрополитъ оцѣнилъ это намѣреніе старца и больше никогда не напоминалъ ему объ игуменствѣ.

1830 годъ, годъ страшной холеры, прошелъ для обители благополучно. Настоятель совѣтовалъ братіи поститься, молиться и—сколь можно чаще—причащаться Святыхъ Таинъ. Въ обители никто не умеръ, несмотря на то, что ея храмъ, гостиница и страннопріимная были открыты для всѣхъ приходившихъ въ обитель.

Много надѣ было духовнаго опыта, силы духа, ревности, чтобы вести обитель въ сто тридцать пять человѣкъ разнаго возраста, званія и образованія. Лучшій способъ управленія—былъ собственный примѣръ жизни строителя. Никому не приходила мысль не явиться вовсе или запоздать къ ночному богослуженію или къ вечернему правилу, когда на нихъ являлся первымъ строитель. Никому не приходило въ голову лѣниться, когда приходившій на послушанія старецъ просилъ:—«Потрудитесь, отцы и братія, потрудитесь ради Бога». Никто не оправдывался въ своихъ поступкахъ, когда старецъ начиналъ его обличать со словъ: — «Зачѣмъ пришелъ въ монастырь? Лучше бы жилъ въ міру!»—и доводилъ согрѣшившихъ до покаянныхъ слезъ. Отецъ Максимъ очень рѣдко выѣзжалъ изъ обители по необходимымъ монастырскимъ дѣламъ и передвигался въ той же самой простой кибиткѣ, въ которой ѣзжалъ и отецъ Макарій.

Жизнь его была вся на виду. Онъ ничѣмъ не отличалъ себя отъ прочей братіи ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ. Онъ былъ горячимъ любителемъ стройнаго церковнаго пѣнія и часто призывалъ къ себѣ пѣвцовъ, заставляя ихъ спѣваться передъ собою, подпѣвалъ самъ и исправлялъ ошибки. Отецъ Максимъ былъ далеко извѣстенъ своею подвижническою жизнью, и мно-

гіе подвижники благочестія искали знакомства съ нимъ или даже проводили въ его обители послѣдніе годы жизни.

Митрополитъ Филаретъ часто обращался къ отцу Максиму съ просьбой указать іеромонаха, способнаго быть настоятелемъ обители.

Старецъ уклонялся отъ посѣтителей. Простая, сердечная бесѣда его производила на присутствующихъ глубокое впечатлѣніе. О чемъ бы ни заговорили съ нимъ, но — такъ или иначе — онъ непременно находилъ случай поговорить о смерти, страшномъ судѣ и вѣчности. При разговорахъ же о дѣлахъ мірскихъ всегда молчалъ. Если спрашивали отзывается ли о какомъ-либо постороннемъ лицѣ, онъ отвѣчалъ: «Не знаю, не знаю, Богъ вѣсть». Разговоры пустыхъ, шуточныхъ не терпѣлъ. Рѣдко когда показывалась улыбка на устахъ его, а смѣющимся никто никогда его и не видалъ. Не бесѣда только назидала посѣтителей, но самый видъ старца, его глубокое смиреніе, благолѣпная сѣдина, поступь, взглядъ — все невольно заставляло благоговѣть къ нему.

Многія изъ лицъ свѣтскихъ имѣли его своимъ духовнымъ отцомъ. Старецъ не уклонялся и отъ этой не легкой обязанности. «Съ какимъ, бывало, умиленіемъ идешь къ отцу Максиму на исповѣдь, — рассказывала одна изъ его духовныхъ дочерей. — Сколько совѣтовъ, вразумленій, утѣшеній услышишь отъ него, какою любовію къ Спасителю горѣло его сердце. Онъ сокрушался о грѣхахъ кающагося гораздо болѣе, нежели самъ кающійся».

Пѣшношскіе старцы говорятъ, — «что онъ кому предсказывалъ, то все сбывалось». Вотъ, случай его прозорливости. «Однажды я была на Пѣшношѣ вмѣстѣ съ своими родственниками, — рассказываетъ нѣкая г-жа Фриденталь, — и, когда они стали собираться домой, я рѣшила остаться тамъ поговѣть. Но какъ денегъ съ собою не имѣла, просила родственниковъ прислать мнѣ ихъ, какъ можно поскорѣй. Предъ отъѣздомъ мы всѣ зашли къ отцу Максиму. Благословивъ ихъ и сказавъ имъ нѣсколько напутственныхъ словъ, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «А ты, Наталья, останься у насъ, поговѣшь; мы исповѣдуемъ и безъ денегъ». Кто ему сказалъ, что я хочу остаться говѣть и что съ собою не имѣю денегъ?»

Съ восьмидесятилѣтняго возраста отецъ Максимъ, сохранявшій до того бодрость и крѣпость, почувствовалъ слабость и сталъ настоятельно проситься у митрополита Филарета на покой. Не сразу сдался митрополитъ на просьбу и предписалъ монастырю всячески покоить своего бывшаго настоятеля. Отецъ Максимъ поселился въ кельяхъ, гдѣ жилъ его настав-

никъ, архимандритъ Макарій. Здѣсь и прожилъ онъ до конца своей жизни, какъ заключенный во гробъ; изъ кельи, кромѣ храма, онъ никуда не выходилъ, ни въ какія дѣла, ни въ начальственные, ни въ братскія не вмѣшивался. Рѣдко кто нарушалъ его безмолвіе и то только для духовной бесѣды. Какъ провель онъ въ духовномъ отношеніи эти послѣднія четырнадцать лѣтъ своей жизни, неизвѣстно.

Онъ довольствовался самымъ небольшимъ количествомъ простѣйшей пищи. Видно было, что кожа на его лбу отвердѣла отъ частыхъ земныхъ поклоновъ, одѣяніе на плечахъ протерто отъ правильнаго истоваго изображенія креста. По его цѣломудрію никто никогда не видалъ его нагимъ ни въ банѣ, ни въ рѣкѣ. Если онъ когда и бесѣдовалъ съ женщинами, то только о предметахъ духовныхъ и при другихъ людяхъ. Любимымъ его подѣліемъ было производство коробочекъ, которыя онъ бесплатно раздавалъ братіи и мірянамъ или переплеталъ книги. Такъ жилъ онъ, скрываясь, въ теченіе почти пятнадцати лѣтъ.

На девяносто пятомъ году онъ такъ ослабѣлъ, что еле могъ добратся до храма. Онъ съ первымъ ударомъ колокола, чуть передвигая ноги, съ поддержкою келейника отправлялся въ церковь, и въ алтарѣ съ умиленіемъ выслушивалъ все богослуженіе. Господь чудесно подкрѣплялъ его, и этотъ девяностопятилѣтній старецъ сохранилъ свой разумъ, зрѣніе и слухъ въ полной цѣлости до конца жизни.

«Старецъ Максимъ, — вспоминають современники, — лицомъ былъ пріятнаго вида, имѣлъ глаза сѣрые, брови наклонныя, носъ прямой, чело кругло-выпуклое, власы рѣдкіе и русые, а на брадѣ сѣдые, голосъ тихій, руки сухія, росту былъ небольшого, тѣломъ весьма тощъ, походку имѣлъ всегда тихую, старческую.

Онъ пересталъ ходить въ храмъ лишь за три дня до смерти. Въ послѣдній разъ отстоялъ онъ литургію въ праздникъ Благовѣщенія. Затѣмъ отправился къ игумену Сергію и все время говорилъ о милосердіи Пресвятой Богородицы. Къ ночи старецъ въ послѣдній разъ слегъ въ постель. Двадцать седьмого марта пожелалъ приобщиться для подкрѣпленія духа, дабы благонадежно вступить въ вѣчность. Онъ вслухъ молился Пресвятой Богородицѣ, чтобы Она защитила его Своимъ покровомъ въ часъ смерти.

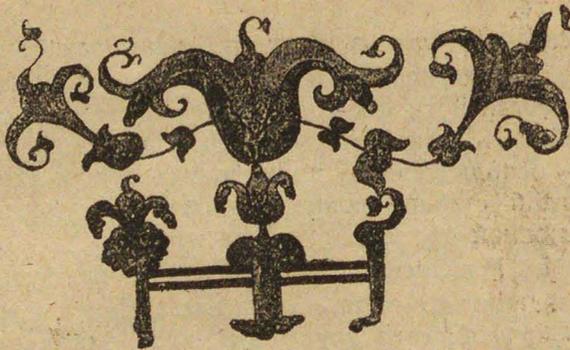
Двадцать девятого марта, за нѣсколько часовъ до конца, онъ снова приобщился Святыхъ Тайнъ, твердо прочиталъ молитву передъ причащеніемъ: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую».

Надъ нимъ игуменомъ Сергіемъ была прочитана отходная.

Старець просилъ прощенія и молитвъ у игумена и братіи. Затѣмъ замолчалъ, перекрестился, взглянулъ на икону Богоматери, закрылъ глаза, протянулъ впередъ руки, словно идя кому-нибудь навстрѣчу, и безмятежно почилъ двадцать девятого марта 1850 года, въ первомъ часу пополудни.

Тѣло его было положено въ гробъ, давно имъ самимъ для себя приготовленный. Такъ какъ старецъ не позволялъ снимать съ себя портрета при жизни, то портретъ этотъ былъ снятъ съ него, лежащаго во гробѣ. Старець схороненъ въ настоятельской усыпальницѣ, подъ колокольней.

Такова была тихая и праведная жизнь этого замѣчательнаго русскаго подвижника.

МЕЛАНІЯ ЗАТВОРНИЦА.

В Орловской епархіи, при городѣ Ельцѣ, находится уединенная Каменная гора, отдѣленная отъ города рѣчкою Ельчикомъ. Съ другихъ сторонъ она отрѣзана каменистымъ рвомъ. Въ прежнее время, поросшая лѣсомъ, она привлекала своей тишиной любителей безмолвія, которые и селились по отлогой ея части. Тутъ же въ подгорьи, на маломъ ровномъ мѣстѣ, билъ превосходный ключъ холодной воды, которую древніе иноки называли святою.

По преданію, здѣсь жили отшельники, а въ 1675 году уже былъ монастырь Курской иконы Божіей Матери съ кельями для монаховъ. Но въ безвыходномъ положеніи находились женщины и дѣвушки елецкія, имѣвшія призваніе къ духовной жизни. Имъ приходилось скитаться по домамъ набожныхъ жителей города, а для богослуженія посѣщать то ту, то другую изъ городскихъ приходскихъ церквей.

На это ихъ бѣдственное положеніе обратилъ вниманіе Воронежскій епископъ, знаменитый святитель Митрофанъ, къ епархіи котораго принадлежалъ Елецъ. Елецкихъ монахинь, которыя имѣли уже какъ бы старшую надъ собою въ лицѣ опытной инокини Іулиты, святитель помѣстилъ въ монастырь, что на Каменной горѣ, а монаховъ изъ того монастыря перевелъ въ Елецкій Троицкій монастырь.

Изъ первоначальныхъ подвижницъ обители памятна схимонахиня Елизавета, супруга схимонаха Митрофана, ученика святителя Тихона Задонскаго, скончавшаяся перваго августа 1765 года.

Изъ любви къ Богу она оставила мірскую жизнь и богат-

ство, по взаимному согласію съ мужемъ, и довольно долго прожила въ подвигахъ на Каменной горѣ. Въ то время вокругъ этой горы былъ пустынный лѣсъ, въ которомъ часто укрывались бѣглые солдаты и разные бродяги. Иногда они приходили къ дверямъ кельи схимонахини Елизаветы, требуя себѣ пищи. Она, по своему милосердію, не боялась ихъ, какъ опасныхъ людей; но съ кротостью, какъ братьямъ своимъ, подавала имъ хлѣбъ и овощи.

Около ста лѣтъ (съ 1683 года) этотъ женскій монастырь существовалъ въ благоустройствѣ и изобиліи. Но 12-го апрѣля 1769 года выгорѣлъ почти весь Елецъ. Сгорѣлъ и монастырь. И монахини, и послушницы были перемѣщены въ Воронежскій женскій монастырь. Только двѣ инокини остались на прежнемъ мѣстѣ, предпочитая лучше жить подъ открытымъ небомъ, чѣмъ оставить родное пепелище: это были — 60-ти-лѣтняя Ксенія и 80-ти-лѣтняя Агафія.

Узнавъ о великомъ испытаніи, перенесенномъ Ельцомъ, святитель Тихонъ, жившій въ то время на покоѣ, въ городѣ Задонскѣ, прислалъ приближеннаго своего схимонаха Митрофана, чтобы ободрить скорбящихъ жителей и подать нуждающимся тайную милостыню. Митрофанъ посѣтилъ и старицу Ксенію и Агафію, которыя показали ему три сохранившіяся невредимыми въ огнѣ иконы — Спаса Вседержителя, Троеручицы и Знаменія. Митрофанъ — отъ имени святителя — ободрялъ инокинь, что это мѣсто недолго будетъ въ запустѣннѣи, но вскорѣ обновится.

Сначала старица Ксенія устроила себѣ и Агафіи малую келью изъ каменнаго погреба и дождалась того времени, когда возникла малая деревянная церковь и новыя кельи на мѣстѣ погорѣвшей обители.

Елецкіе жители посѣщали Каменную гору и оказывали посильную помощь монахинямъ, хотя и не могли разомъ возобновить обитель. Одно необыкновенное видѣніе подтвердило вѣру инокинь въ судьбу Каменной горы. Однажды — послѣ долгой молитвы Ксеніи — на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ престоль сгорѣвшей церкви, она, съ сотрудницей своей Агафіей, видѣла въ небѣ всадника, который простеръ руку надъ мѣстомъ бывшей обители, осѣнилъ ее благословеніемъ и сказалъ: «Буди имя Господне благословенно на мѣстѣ семъ отъ нынѣ и до вѣка!» Прибавивъ, что онъ — мученикъ Христовъ, Іоаннъ Воинъ, онъ сталъ невидимъ.

Возобновленіемъ своимъ Елецкій женскій монастырь на Каменной горѣ обязанъ святителю Христову Тихону.

Монахиня Воронежскаго монастыря, елецкая уроженка,

Матрона Ивановна Солнцева, получила отъ святителя Тихона совѣтъ поселиться въ Елецѣ на Каменной горѣ. Святитель ей предсказалъ, что монастырь возобновится.

Мало-по-малу, на Каменную гору стали собираться новыя сестры, была выстроена церковь. Святитель Тихонъ, бывая въ Елецѣ, навѣщалъ монахинь и давалъ имъ совѣты по духовной жизни. А елецкихъ гражданъ просилъ не оставлять сестеръ своей помощью. Во время недостатковъ ихъ святитель самъ посылалъ имъ все нужное.

Тяготясь умноженіемъ сестеръ, которое лишало ее ея любимаго безмолвія, Матрона хотѣла, было, оставить Елецъ и поѣхала въ Задонскъ просить на это благословенія святителя Тихона. Но, переѣзжая на лодкѣ Донъ, она едва не утонула и возвратилась на свое мѣсто. Есть преданіе, что святитель Тихонъ самъ явился на помощь утопавшей Матронѣ и, выхвативъ ее изъ рѣки, поставилъ на берегу.

Святитель назвалъ Матрону, въ постригѣ Олимпіаду, начальницею монастыря и передалъ ей правила, по нынѣ соблюдаемыя: 1) неусыпаемое чтеніе Псалтири во весь годъ (кромя Свѣтлой седмицы) за упокоеніе душъ всѣхъ православныхъ христіанъ, особенно же—пожившихъ въ обители и благотворившихъ ей; 2) не посылать никуда для сбора ни по какимъ нуждамъ, имѣть упованіе на Бога и отъ Него единого ждать себѣ помощи; въ крайней же нуждѣ сказывать о томъ елецкимъ гражданамъ.

Въ 1779 году святитель Тихонъ послѣдній разъ посѣтилъ любимый имъ городъ Елецъ и Каменную гору, благословилъ всѣхъ, обошелъ гору, остановился на мѣстѣ нынѣшняго храма и назначилъ тутъ быть храму. Храмъ этотъ строился очень долго трудами сестеръ, которыя сами на плечахъ своихъ носили изъ-подъ горы тяжелые камни, очищали землю, обжигали кирпичъ, таскали песокъ и воду. Онъ былъ освященъ лишь въ 1813 году. Игуменія Олимпіада, вмѣстѣ со сподвижницей своей, монахиней Евпраксіей, скончалась въ 1831 году.

Игуменія Павлина (съ 1837 года) воздвигла прекрасную каменную ограду съ каменными сходами внизъ горы и угловыми башнями.

Главною же славою обители, сдѣлавшею ее извѣстною далеко за предѣлами Ельца, была затворница Меланія, о которой мы и поведемъ рѣчь.

I.

Въ ту пору, когда святитель Тихонъ посѣщаль Каменную гору, изъ подгородной Ламской слободы пришла жить на Каменную гору эта дѣвица Меланія, прославившая своими подвигами имя обители.

Родилась она въ 1759 году, въ бѣдной семьѣ однодворцевъ, Памфила и Ѳеодосіи Пахомовыхъ, умершихъ рано и оставившихъ своихъ малолѣтнихъ дочерей, Меланію и Екатерину, на попеченіи старшаго своего сына.

Меланія съ отрочества чувствовала влеченіе къ монашеской жизни. Чрезвычайно трудолюбивая, красивая собой, она часто ходила въ церковь; особенно же любила бывать на Каменной горѣ и, по возвращеніи оттуда, часто уговаривала брата отпустить ее въ монастырь. Но братъ о томъ и слышать не хотѣлъ. Говорилъ ей о домашнихъ дѣлахъ и объ обязанностяхъ ея къ ея младшей сестрѣ. Меланія находилась въ колебаніи и молилась постоянно Богоматери, прося наставить ее на путь спасенія. Болѣе трехъ лѣтъ провела она въ этомъ колебаніи. Наконецъ, братъ нашель ей богатаго жениха и рѣшилъ непременно выдать ее замужъ, хотя бы силкомъ. Но въ день, назначенный для помолвки, Меланія пропала и не показывалась три дня. Все это время она укрывалась у ближайшихъ сосѣдей своихъ, крестьянъ Абрамовыхъ, въ семьѣ которыхъ воспитывалась любимая подруга Меланіи, Матрона Намовна, впослѣдствіи знаменитая задонская страннопріимница, великая праведница. Послѣ этого происшествія братъ согласился отпустить сестру въ монастырь; но въ денежной ей помощи и въ прочемъ содѣйствіи отказаль ей наотрѣзъ.

Осенью 1778 года 19-ти-лѣтняя Меланія, со слезами помолившись предъ иконою Богоматери и благословивъ ею свою сестру Екатерину, поспѣшно вышла изъ родительскаго дома, унося съ собою лишь ту одежду, которая была на ней.

Поселившись въ возрождавшемся будущемъ монастырѣ, Меланія подвизалась въ постѣ и молитвѣ, усердно проходила назначаемыя ей послушанія и упражнялась въ молчаніи. Свое воздержаніе она довела до того, что довольствовалась хлѣбомъ и водою — и то въ мѣру. Сама она была безграмотна, но, внимательно слушая чтеніе слова Божія и житій святыхъ, постигла глубоко духъ и смыслъ Писанія. Она любила бывать въ Задонскѣ; вставала для этого съ полуночи, къ ранней обѣднѣ поспѣвала въ Задонскѣ, а послѣ обѣдни, принявъ благословеніе и наставленіе святителя Тихона, возвращалась на Каменную гору. Кое-какъ научившись разбирать Псалтирь, она заучивала наизусть стихи изъ нея. Въ церкви она нерѣдко уми-

лялась сердцемъ, и ея духовный восторгъ выражался слезами. Въ ночное время, не давая себѣ покоя, она, бродя по лѣсу, читала наизусть псалмы. Такъ прошло три года ея жизни.

Сестра ея Екатерина часто ее навѣщала. Меланія обучала ее молитвѣ и посту, не принимала отъ нея никакихъ разсказовъ ни о чемъ мірскомъ и совѣтовала ей не узнавать о чужихъ дѣлахъ, чтобы не отвлекаться мыслью отъ Бога.

Когда Екатеринѣ минуло 18 лѣтъ, она поселилась на Каменной горѣ, гдѣ и стала жить въ кельѣ своей сестры. Онѣ побывали въ Задонскѣ, гдѣ открыли святителю Тихону свое сильное желаніе научиться грамотѣ.

— На что вамъ учиться по книгамъ?—сказалъ имъ святитель. — Благодать Божія и такъ свыше научить васъ — и будете довольны.

Сурова была жизнь сестеръ. Въ кельѣ у нихъ не было ничего, кромѣ кувшина съ водою и небольшого запаса сухарей. Одежда у нихъ была ветхая и часто заплатанная, но всегда совершенно опрятная. Хотя онѣ хорошо рукодѣльничали, но лишь иногда брались вязать чулки: имъ было болѣе по сердцу другое дѣло. У нихъ былъ такъ называемый «даръ слезъ», и онѣ плакали ежедневно о грѣхахъ своихъ горькимъ плачемъ покаянія.

Въ Великій постъ Меланія и Екатерина постились по пяти сутокъ подрядъ. Случалось, что въ субботу Меланія скажетъ: «нынче можно лапшицы сварить». А младшая Екатерина отвѣтитъ ей: «и, матушка сестрица, подождемъ Пасхи. Съ насъ довольно и сухариковъ». И въ такомъ воздержаніи проходилъ у нихъ весь Великій постъ, въ который онѣ ѣли свои сухари лишь по субботамъ и воскресеньямъ. Въ разговорахъ онѣ были тоже очень воздержны, не говоря ни о чемъ, кромѣ того, что было необходимо.

Въ 1804 году Богъ послалъ Екатеринѣ тяжелую болѣзнь, отъ которой она и умерла. Лежа на голой доскѣ, она, углубленная въ непрерывную молитву, терпѣливо выносила страданія. Меланія, съ любовью смотря на нее, говорила ей:

— Ну, вотъ, сестрица, ты покидаешь меня! Кто же мнѣ теперь водицы принесетъ? Или кто къ благодѣтелямъ сходить въ городъ? Вѣдь, это все было твое послушаніе!

— Богъ не оставитъ тебя, матушка сестрица,—отвѣчала умирающая.—А мнѣ ужъ пора къ Господу Богу. Онъ зоветъ меня къ Себѣ.

Напутствованная св. таинствами елеосвященія, исповѣди и причащенія, Екатерина передъ самою смертью пришла въ какой-то восторгъ. Свѣтлая радость разлилась по ея лицу, и она, сія тихимъ счастьемъ, говорила сестрѣ:

— Вотъ, матушка сестрица, отверзлись райскія двери, и тамъ предивное веселье! Вотъ — и райскіе плоды, которые Господь даруетъ мнѣ за мое малое здѣсь воздержаніе.

Меланія, припавъ къ ногамъ умиравшей, неутѣшно плакала. Начальница спросила Екатерину, жалѣеть ли она сестру. Та отвѣтила:

— Нѣтъ, госпожа матушка! Она велика предъ Богомъ и будетъ прославлена отъ Него еще здѣсь, на землѣ.

По лицу ея разлилась улыбка, и она мирно отошла къ Богу. Съ тѣла ея съ трудомъ сняли грубую и тѣсную власяницу, приросшую къ ней и служившую ей безсмѣннымъ одѣяніемъ. Ее положили близъ первой деревянной церкви Знаменія, гдѣ—впослѣдствіи—схоронили и блаженную Меланію.

II.

Итакъ, Меланія осталась одна. Потеря сестры была для нея великимъ горемъ, отъ котораго она очень долго не могла придти въ себя.

Изъ жизни многихъ подвижниковъ можно замѣтить, что—именно—такія душевныя потрясенія, разочарованія въ возможность или прочность земного счастья толкаютъ этихъ чуткихъ людей на тяжелый путь юродства во Христѣ, ибо истинное юродство есть неумолкаемый крикъ внутренней боли, есть какъ бы нѣкоторое глумленіе надъ тѣмъ ничтожнымъ содержаніемъ земного благополучія, земныхъ радостей, въ гонѣбѣ за чѣмъ большая часть людей забываютъ о томъ великомъ, неизмѣримомъ и истинномъ счастьѣ, на которое мы были созданы, и которое намъ будетъ возвращено цѣною крестной жертвы нашего Спасителя... На этотъ путь вступила Меланія. Она принимала гнѣвный видъ, когда ей оказывали вниманіе. Когда ей подавали милостыню, она грубо говорила:

— Ты мало даешь! Тутъ видѣть нечего—ни на что не достанетъ этого...

Нѣкоторые этимъ соблазнялись и обвиняли ее. Но когда всѣ уходили, Меланія выносила все принесенное благотворителями изъ кельи и клала это на дрова. Птицы уносили все съѣдобное. А нищѣ забирали деньги и вещи, такъ какъ, примѣтивъ ея обычай, часто осматривали всѣ мѣста около ея кельи. Ночью Меланія ходила молиться на могилу своей сестры и оканчивала эту молитву лишь предъ утреней.

Однимъ изъ руководителей Меланіи былъ старецъ Илларионъ Мееодіевичъ, впослѣдствіи подвизавшійся въ затворѣ въ селѣ Троекуровѣ, Лебедянского уѣзда, а въ то время жившій въ селѣ Карповкѣ, Раненбургскаго уѣзда. Этотъ подвиж-

никъ посѣщаль временами городъ Елецъ и Каменную гору, и тамошнія старицы назидались его совѣтами.

Кромѣ того, Меланія находилась въ духовномъ общеніи со знаменитымъ елецкимъ священникомъ, отцомъ Іоанномъ Преображенскимъ, память о которомъ доселѣ свято почитается въ Ельцѣ, и юродивымъ старцемъ Іоанномъ Тимоѣевичемъ Каменевымъ, который—по преданію—былъ изъ дворянъ, съ отличіемъ служилъ раньше повытчикомъ въ провинціальной канцеляріи, былъ всѣми уважаемъ и, по призванію, оставилъ все мірское и затѣмъ—до конца своихъ дней—жилъ въ юродствѣ.

Однажды, всѣ эти трое людей Божіихъ: отецъ Иларіонъ, священникъ Іоаннъ и Иванъ Тимоѣевичъ, придя къ Меланіи, стали совѣтовать ей оставить юродство и приготовить себя къ затворнической жизни и совершенному безмолвію. Меланія отвѣчала:

— Не могу понести.

Старцы обѣщали помолиться за нее и настаивали на своемъ совѣтѣ.

Съ того дня она стала отлагать свои выходы изъ кельи и повела еще болѣе строгую жизнь. Она никогда не закрывала послѣ топки печной трубы, и потому въ кельѣ ея была постоянная стужа, увеличивавшаяся еще отъ крайней ветхости стѣнъ. Согрѣвалась она лишь тогда, когда на молитвѣ полагала безчисленные поклоны. Богатствомъ и утѣшеніемъ ея служилъ тихій огонекъ лампадки или иногда восковой свѣчки, которую она зажигала передъ образомъ. Когда наступилъ 1812 годъ, Меланія предсказала, что французы не придутъ въ ихъ городъ и умножила свои молитвы за родину и за всѣхъ страждущихъ отъ войны.

Время шло.

Священникъ Іоаннъ приближался къ послѣднимъ днямъ своей жизни. Какъ-то, предъ концомъ, онъ сказалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ:

— Посѣщайте храмъ Преображенія Господня, въ которомъ я, грѣшный Іоаннъ, священствовалъ всю жизнь мою. Не забывайте поклониться тамъ со всѣмъ усердіемъ двумъ святымъ иконамъ: Спасителя и Божіей Матери, что утверждены на столпѣ. Я молился Владыкѣ моему за всѣхъ духовныхъ дѣтей моихъ, и за весь городъ Елецъ, и за всѣхъ православныхъ христіанъ—и слышалъ Божественный отвѣтъ Его на мою смиренную и недостойную молитву. Гласъ былъ мнѣ отъ Его святой иконы: «Слышу». И я палъ на землю предъ Богомъ-Спасителемъ моимъ съ благодарными слезами и не помню, сколько времени лежалъ и плакалъ предъ стопами Его. А Владычица

наша, Пресвятая Богородица, прежде того явилась мнѣ, грѣшному, въ храмъ этомъ очевидно, какъ царица. И я думалъ, кто эта пріѣзжая госпожа? И смѣло смотрѣлъ на Нее. Она же, подошедъ къ Своей иконѣ, рукою поправила ликъ ея, который прежде отвращенъ былъ отъ меня, а потомъ остался прямозрящимъ. И при этомъ сказала мнѣ: «рабе Божій, время твое близко, уготовися ко исходу твоему». И пошла Сама въ алтарь. А я все еще недоумѣвалъ: кто Она такая? И какими судьбами пришла Она въ храмъ въ ночное время... Простите!

Память отца Іоанна пользуется у елецкихъ гражданъ особымъ благоговѣніемъ. Принявъ на себя подвигъ юродства, онъ со многими говорилъ просто и духовно. Онъ любилъ постѣзать Каменную гору и ея смиренныхъ насельницъ.

Одна изъ старыхъ монахинь, помнившихъ его, рассказывала, что о. Іоаннъ указалъ ей мѣсто своего вѣчнаго покоя и предсказалъ, что на этомъ мѣстѣ будетъ устроенъ мужской монастырь. А въ то время это мѣсто было пустое, и ничто не указывало на возможность возникновенія на немъ обители. Этой монахинѣ о. Іоаннъ наказалъ, когда она будетъ пострижена въ схиму, придти къ нему на гробъ и отправить панихиду.

Совѣты затворнической жизни были какъ бы предсмертными совѣтами о. Іоанна Меланіи. Онъ предварялъ ее, что ей будетъ легче всего достигъ спасенія въ затворѣ. Меланія всегда съ уваженіемъ принимала совѣты о. Іоанна, но не всегда считала ихъ обязательными для себя, особенно въ отношеніи путей иноческой ея жизни.

Къ числу подвижниковъ того края принадлежалъ блаженный Іоаннъ, на мѣстѣ подвиговъ котораго стоитъ теперь многочисленная Сезеновская обитель. Въ молодости онъ былъ какъ-то въ кельѣ затворницы Меланіи и, разболѣвшись, упалъ у нея безъ чувствъ.

Меланія разожгла въ кадилницѣ уголь, покадила ладаномъ больного. Онъ всталъ и почувствовалъ себя настолько крѣпкимъ, что могъ съ ней бесѣдовать. Съ тѣхъ поръ онъ имѣлъ къ Меланіи большое уваженіе и многимъ говорилъ, что ея молитвой неоднократно былъ исцѣляемъ.

Великій постъ Меланія провела у себя въ кельѣ, а въ Лазареву субботу изъ храма пошла въ домъ благочестивыхъ елецкихъ гражданъ Лавровыхъ, намѣреваясь пригласить къ себѣ о. Иллариона, будущаго затворника Троекуровскаго, который тогда гостилъ у Лавровыхъ. Хозяева приняли Меланію съ лаской, но отпустить Иллариона на праздникъ не согласились.

Меланія печальная возвратилась къ себѣ въ келью; въ день Пасхи даже и поплакала. Вдругъ—входитъ о. Илларионъ съ радостнымъ привѣтствіемъ: «Христосъ воскрес!»

Меланія открыва ему свою скорбь, а онъ кротко укорялъ ее въ малодушіи. Вскорѣ пришла къ ней и сама Лаврова и стала извиняться предъ ней за то, что она не отпустила въ первый день праздника о. Иллариона изъ своего дома.

— Сама посуди, Меланьюшка,—говорила она,—вѣдь, онъ у насъ гость какой дорогой, рѣдкій! Вотъ, одѣнется лѣсъ листовою, онъ отъ насъ и уйдетъ. Можетъ быть, и вѣкъ больше его не увидимъ.

Не могла скрыть Меланія своего глубокаго изумленія. Наконецъ, она сказала:

— Вѣдь, я никогда предъ тобой не лгала, а твои слова меня удивляютъ. Въ день Пасхи о. Илларионъ былъ у меня въ кельѣ, и мы затѣмъ съ нимъ вмѣстѣ ходили къ вечернѣ.

— Ну, что ты говоришь,—возразила ей Лаврова,—онъ разговаривалъ съ нами, а потомъ весь день читалъ Житія святыхъ. Мы всѣ его слушали.

— Богъ знаетъ,—отвѣчала задумчиво Меланія.

— Стало бытъ, Меланьюшка, тебя посѣтилъ ангелъ!

— Не знаю, недостойна я видѣть ангела...

Къ этому времени относится другое событіе; показывающее ту благодать, которую тогда же стяжала Меланія.

Жила тогда на Каменной горѣ, жившая тамъ и впослѣдствіи, молодая послушница Іулита, дѣвушка разумная, сильная собой, изумлявшая другихъ трудолюбіемъ и послушаніемъ. Она была усердна, исполнительна, всѣ ее любили. Но на нее напала лютая и долгая естественная брань, свойственная ея годамъ. Даже иногда на иконы не могла она смотрѣть безъ волненія. Она боялась въ этой борьбѣ потерять разсудокъ, и въ горѣ молилась предъ чудотворной иконой Знаменія, прося у Богоматери помощи.

Наконецъ, она рѣшила: если брань не утихнетъ, оставить монастырь и вернуться домой, къ родителямъ. Въ ту ночь видитъ она сонъ. Кажется ей, что она молится передъ той чудотворной иконой и слышитъ отъ нея голосъ: «Не смущайся, дѣвица, это искушеніе пройдетъ. Въ кельѣ Меланіи усни на ея кровати и получишь совершенное избавленіе отъ этой брани».

Послушница тутъ же, во снѣ, себѣ сказала, что ей не удастся добраться до кельи Меланіи, что Меланія ее прогонитъ.

«Не бойся,—быль отвѣтъ,—выбери время, когда ея не будетъ дома».

Дѣйствительно, послушница—во время отсутствія Меланіи—пошла къ ея кельѣ. Дверь была незаперта. Она вошла во внутрь, помолилась предъ иконою Спасителя, легла на ея постель. На нее напалъ сладкій сонъ. Проснувшись, она встала, и спѣшила уйти до возвращенія Меланіи.

Но, какъ только она, положивъ нѣсколько поклоновъ, вышла изъ кельи и отошла немного въ сторону, какъ подошла къ ней Меланія и сказала ей:

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Я сама никакъ не могу избавиться отъ скверныхъ мыслей,—отвѣтила смущенная послушница.

— А ты больше молчи! Да и молчи!—и она грозно погрозила на нее пальцемъ.

И съ тѣхъ поръ эта послушница не знала болѣе тяжкихъ искушеній, и достигла она на Каменной горѣ преклонныхъ лѣтъ, доживая по старости своей вѣкъ свой безвыходно въ кельѣ.

Какъ-то пошла Меланія въ городъ и встрѣтилась съ юродивымъ старцемъ Каменевымъ.

Встрѣтившись съ Меланіей, Каменевъ повернулъ обратно къ Каменной горѣ, убѣждая Меланію идти обратно. Она объяснила ему, что ей нужно купить или достать у благодѣтеля кусокъ хлѣба. А онъ отвѣчалъ ей:

— Не малодушествуй, не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ. Иди въ келью, отыщи прежде царствіе небесное, остальное приложится тебѣ!..

Такъ, понуждая ее, привелъ ее Каменевъ на Каменную гору до дверей ея кельи. На прощаніе онъ ей грозно сказалъ:

— Помни часъ смерти!

Слова эти принудили Меланію съ особымъ вниманіемъ остановитъ мысли на жизни въ затворѣ. Но жизнь эта казалась ей столь тяжелой, что она сразу не могла взяться за новый крестъ, который, по ея мнѣнію, ей было не вынести. Не разъ ходила она въ Задонскъ, гдѣ горячо молилась у могилы святителя Тихона, служа по немъ панихиды, искала она вразумленія бесѣдою съ учениками святителя: схимонахомъ Агапитомъ и отцомъ Никандромъ Бехтѣевымъ, но нужной рѣшимости въ ней все не образовывалось. Хотя она уже достигла зрѣлыхъ лѣтъ и была опытна въ монашеской жизни, но ей казалось, что для спасенія отъ искушенія нужны еще тяжкіе тѣлесные труды, и что жизнь въ затворѣ принесетъ не пользу, а вредъ.

Къ этой жизни она перешла постепенно. Она стала затворяться въ кельѣ на срокъ все болѣе долгій, но, все же, она не могла окончательно рѣшиться на затворъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ прослышала она о новомъ задонскомъ подвижникѣ, затворникѣ Георгіи. (Затворникъ Георгій Машуринъ изъ состоятельныхъ дворянъ, бывшій гусарскій офицеръ, подвизался подвигомъ затвора въ Задонскомъ монастырѣ). Меланія отправилась въ Задонскъ, чтобы поговорить съ затворникомъ. Она открыла ему свои недоразумѣнія, и затворникъ убѣдилъ ее въ пользу уединенной жизни:

Теперь она со спокойнымъ сердцемъ приняла мысль о затворѣ, и въ продолженіе затвора своего часто была подкрѣпляема письмами затворника Георгія.

Насталь Успенскій постъ 1819 года. Въ день Преображенія Господня Меланія приобщилась Божественныхъ Таинъ, долго молилась передъ чудотворной иконой Знаменія Пресвятой Богородицы, потомъ закрыла глаза платкомъ и просила одну послушницу довести ее до кельи, говоря, что у нея нѣсколько времени болятъ глаза, и она не можетъ дойти до кельи одна.

Съ этого дня, шестого августа 1819 года, до самой кончины своей — въ іюнь 1836 года — Меланія пребыла безысходно въ затворѣ.

Одновременно съ Меланіей подвизались на Камнѣ нѣсколько подвижницъ, о которыхъ грѣшно не вспомнить.

Старица Василиса Ивановна была родственницей того благодѣтельнаго купца Кожухова, который считался другомъ святителя Тихона и благотворилъ насельницамъ Каменной Горы.

Въ кельѣ Василисы Ивановны стоялъ портретъ святителя Тихона, и она въ распорядкѣ жизни своей руководствовалась его наставленіями. Иногда, скрывая духовную высоту свою, она прикидывалась юродивой. Она любила во всемъ монашескую простоту, нестяжательность и удаленіе отъ мірскихъ знакомствъ, даже отъ родныхъ. Иногда съ ней обращались очень грубо, что ее радовало.

У нея была келейница-послушница Марія Ильинишна, удивительный примѣръ смиренной незлобивости и непритязательности. Она ходила зимой и лѣтомъ въ одной одеждѣ, которая составляла ея единое имущество. Но ея вѣра была удивительна. Она давно уже дала обѣщаніе быть въ Соловкахъ. И, по благословенію своей старицы, пространствовала шесть лѣтъ, не взявъ съ собой рѣшительно ни одного гроша.

Во время этого странствованія было съ ней изумительное происшествіе. Какъ-то, осенью, она достигла обители преподобнаго Нила на озерѣ Столобенскомъ. Подвозъ былъ затруднителенъ. Рано придя къ озеру, она слышала, какъ въ монастырѣ звонили во всѣ колокола, но перевозчика не было. Она встала тогда на колѣни и горячо помолилась угоднику Божию, преподобному Нилу, о помощи.

Вдругъ, кто-то подплылъ въ лодкѣ и перевезъ ее въ монастырь. Это совершилось такъ быстро, что, когда она вошла въ соборъ, служба еще не начиналась. Монахи съ изумленіемъ спрашивали ее, съ кѣмъ она переѣхала. Въ то время никого на озерѣ не было.

Предъ кончиной своей она предупредила старицу свою, Василису Ивановну, что скоро умереть и радостно ждала смерти.

Вскорѣ послѣ смерти этой рабы Божіей поступила къ Василисѣ жить ея родственница, дѣвица Екатерина Ивановна Кожухова, родная внучка того Кожухова, который былъ такъ близокъ со святителемъ Тихономъ Задонскимъ. Когда она поступила на Каменную Гору, игуменія Глафира сказала ей:

— Ты знаешь, Екатерина, что дѣдушка твой былъ другомъ святителя Тихона и во всемъ повиновался его наставленіямъ. Такъ и ты не дѣлай ничего безъ благословенія святителя Тихона. Я поручаю тебя его покрову.

И простосердечная, глубоко вѣрующая Екатерина считала святителя Тихона своимъ отцомъ-покровителемъ, и къ портрету его, находившемуся у Василисы Ивановны, относилась какъ бы къ самому святителю. Предъ выходомъ въ церковь, напримѣръ, она клала земной поклонъ предъ портретомъ и произносила:

— Святитель отче Тихонъ, благослови меня идти въ церковь помолиться!

Послѣ обѣда она благодарила святителя за его хлѣбъ-соль и просила благословенія на отдыхъ и на все, на что ревностный послушникъ благословляется у своего старца.

Екатерина Ивановна была дочь богатыхъ родителей. Они предлагали ей не разъ дать ей прислугу и другія условія жизни, но она отъ всего отказывалась и всѣмъ, сколько могла, служила сама. Когда въ кельѣ бывали посѣтители, Екатерина не обращала на нихъ вниманія. Въ свободное время становилась на «правила», за что нѣкоторыя неразумныя послушницы надъ ней смѣялись.

Но она дѣйствовала такъ потому, что вполне отказалась отъ своей воли, и этимъ путемъ достигла спасенія. Слабая здоровьемъ, она рѣдко выходила изъ кельи, и старица Василиса тщательно ее хранила.

Случалось, что лѣтомъ, когда окна были открыты, нѣкоторыя сестры чрезъ окно начинали бесѣдовать съ Екатериной, но старица тогда опускала занавѣски, крестила окно и произносила вслухъ слова псалма: «Отврати очи мои еже не видѣти суеты». И Екатерина совершенно вошла во вкусъ этой уединенной жизни, и ей было не по себѣ, если во время молитвы занавѣски на окнѣ были подняты.

Она любила чтеніе житій святыхъ, особенно же нравились ей житія мучениковъ, и надъ ними изъ ея чистой души вырывалось иногда восклицаніе:

— Матушка, какъ бы я желала пострадать за Христа!

— Терпи, дѣвушка, всякую скорбь, и будешь мученицей,— отвѣчала старица.

И Господь подаль ей по ея желанію. Передь смертью она понесла тяжелое страданіе.

Въ іюлѣ 1841 года Екатерина хлопотала у затопленной печи, приготовляя пищу для заболѣвшей Василисы Ивановны. Вдругъ, на ней вспыхнулъ тонкій коленкоровый подрясникъ. Она съ крикомъ упала на полъ. Тетка ея, забывъ свою болѣзнь, бросилась къ ней на помощь. Но она вся уже пылала и чрезъ нѣсколько минутъ ея тѣло покрылось волдырями. Уцѣлѣли только лицо и кисти рукъ не опаленными, несмотря на то, что огонь дошелъ и до нихъ.

Когда ее уложили въ постель, и постороннія разошлись, тетка ея сказала ей:

— Ну, вотъ, мать, ты желала быть мученицей! Теперь не ропщи! Богъ исполнилъ твое желаніе и увѣнчаетъ тебя вѣнцомъ мученическимъ.

Всѣ знаютъ, что одно изъ самыхъ ужасныхъ страданій— смерть отъ ожоговъ. Но Екатерина, съ вѣрою принявъ слова своей тетки, подготавливала себя къ смерти, памятуя о тѣхъ мученикахъ, которые страдали за Христа и которыми она всегда восхищалась, съ необыкновеннымъ терпѣніемъ выносила эти нечеловѣческія муки. Она лежала съ веселымъ лицомъ и благодарила Бога за то, что Онъ ей послалъ такую смерть. Отстрадавъ нѣсколько дней, приобщенная Христовыхъ Таинъ, она мирно преставилась.

Какъ только она умерла, ея тетка, несмотря на то, что стояла на дворѣ сильная жара, стала топить печь, и, когда ее спрашивали—на что это она дѣлаетъ,—отвѣчала, что она больна и озябла. Печь эту она топила день и ночь.

— Побойся Бога, Василиса Ивановна,—говорили монахини, приходившія поклониться усопшей, у тебя въ кельѣ покойница, а ты еще въ такую жару топишь. Вѣдь, ее хоронить трудно будетъ.

— Ничего,—отвѣчала осиротѣвшая старушка,—мы живемъ въ монастырѣ, у насъ этого не бываетъ.

Покойница лежала въ кельѣ болѣе трехъ дней, пока отецъ распорядился устроить все для похоронъ и поминовенія любимой дочери, на которыя собрался почти весь городъ. И когда умершую подняли, чтобы положить во гробъ и нести въ церковь, вмѣсто смрада, который, по естественному закону, долженъ былъ идти отъ ея тѣла, полилось чудное благоуханіе, какъ бы отъ растертаго роснаго ладана.

Старица Василиса послѣ похоронъ племянницы часто хо-

дила къ ея родителямъ и обѣдала у нихъ. Игуменья совѣтовала ей не нарушать монастырскихъ правилъ, но Василиса все-таки отпрашивалась къ родственникамъ.

И, вотъ, какъ-то ночью, она видитъ во снѣ умершую за пять лѣтъ до того блаженную Меланію, которая, войдя къ ней въ келью съ какимъ-то старцемъ монахомъ, говоритъ:

— Василиса, зачѣмъ не слушаешь ты игуменья? Знаешь, что тотъ, кто не повинуется поставленной отъ Бога власти, тотъ подлежить анаѣемѣ!

— Кто этотъ монахъ съ тобой, Меланія?—въ страхѣ спросила Василиса.

— Это игуменъ Каменной Горы, преподобный Варлаамій Хутынской,—отвѣчала затворница:—вотъ, прими отъ него благословеніе!

Въ обители есть придѣльный храмъ въ честь преподобнаго Варлаамія, съ его иконою и частью мощей. Утромъ Василиса Ивановна повинилась игуменѣ, рассказала ей о сновидѣніи и обѣщала болѣе никуда не ходить на поминки. Такъ она и прожила въ монастырѣ, безвыходно, до смерти. Кончина ея была тиха, предваренная нѣсколькими днями совершеннаго вольнаго безмолвія.

Вотъ, еще воспоминаніе о смиренной старицѣ Смарагдѣ, которая поступила въ монастырь изъ дома богатыхъ елецкихъ купцовъ Холиныхъ. Ничего она не требовала отъ богатыхъ родныхъ, которые сами, уважая ее, о ней пеклись и старались снабждать ее всѣмъ нужнымъ.

Какъ-то, къ празднику Благовѣщенія, они принесли ей для стола рыбы. Но она почти всю эту рыбу раздала другимъ, а оставшееся у нея въ ту же ночь унесли изъ погреба воры. Она сама слышала, какъ они ходили въ погребъ, но была рада, что они избавили ее отъ этой рыбы. Жившая съ ней монахиня Ксанфира умоляла старицу принять отъ нея часть денегъ, которыя Ксанфира заработала, но она рѣшительно отказывалась.

Молитвами блаженнаго священника Іоанна и матери Смарагды, эта Ксанфира удивительнымъ образомъ совершила богомолье въ Кіевъ. Отецъ Іоаннъ предсказалъ Ксанфирѣ, что ей придется выйти только за заставу, а весь путь въ Кіевъ и обратно отъ Ельца она совершитъ въ коляскѣ.

Что же вышло?

Проводивъ Ксанфиру до заставы, Смарагда плакала о тѣхъ трудностяхъ, которыя ей предстоитъ вынести. Въ это время съ нею поравнялась дама, ѣхавшая въ коляскѣ. Она остановила лошадей и спросила, о чемъ старица плачетъ. Та рассказала ей, въ чемъ дѣло, а госпожа, ѣхавшая въ Кіевъ, предложила ей взять ея племянницу съ собой и доставить обратно.

Племянница Смарагды, Холина, дочь ея богатаго брата, вступила въ монастырь. И, вотъ, какими словами Смарагда говорила племянницѣ о монашеской жизни:

— Олюшка, другъ мой, ты не думай, что поступаешь въ монастырь на радость и на покой! Наша радость бываетъ только о Господѣ, и нашъ покой—ожидать вѣчнаго покоя въ царствіи небесномъ. А мірскія радости для насъ укрыты. Если мы будемъ желать ихъ и искать, то приобрѣтемъ себѣ порокъ. Мы на то пошли, чтобы жить въ покорности и страхѣ, такъ и живемъ и въ скорби и терпѣніи. А если будешь любить наряжаться и веселиться съ молоденькими подругами, скучно будетъ тебѣ потомъ жить въ монастырѣ.

Одна монахиня, послѣ смерти Смарагды, молила о томъ, чтобы ей была показана ея загробная судьба. Ей приснилось, что насталъ день Страшнаго Суда, и въ монастырѣ смятеніе, и среди собирающихся въ церковь стоитъ монахиня Смарагда въ одеждѣ—сверкающей, какъ молнія...

Но—вернемся къ Меланіи.

Слухъ о затворнической жизни Меланіи еще увеличилъ общее мнѣніе о благочестіи ея, распространенное въ Ельцѣ, и сталъ привлекать къ ней народъ. Иногда матери приводили къ ней дѣтей и просили затворницу изъ окна положить на нихъ свои руки въ знакъ ея благословенія и молитвы. Нерѣдко бывало, что больныя дѣти получали скорое выздоровленіе.

На рукахъ затворницы видали кровавыя язвы, прикрытыя полотняными обвязками. Таинственное значеніе и происхожденіе этихъ язвъ неизвѣстно. Изъ жившихъ на Каменной Горѣ только одна Василиса Ивановна имѣла доступъ во внутрь кельи затворницы.

— Ищи уединенія и молчи,—сказалъ таинственный голосъ святому Арсенію Великому, и люди, достигавшіе высотъ духовной жизни, наслаждались въ полномъ уединеніи и молчаніи.

Такова же была жизнь Меланіи. Всѣ ея мысли были сосредоточены въ Богѣ. Въ ней дѣйствовала неумолкаемая молитва, и душа ея возрастала подъ обиліемъ изливавшейся на нее благодати, какъ быстро возрастаютъ въ южныхъ странахъ на горячемъ солнцѣ чудныя деревья.

Полная нестяжательности, затворница любила свои добродѣтели прикрывать видомъ нѣкоторой жадности. Она раздавала бѣднымъ чай и, заказывая купить для себя ладанъ, свѣчей, лампаднаго масла, прибавляла:

— Чаю, да хорошаго, купи! Пусть знаютъ, что и мы пьемъ хорошій чай, хотя они того вовсе и не знаютъ, какъ намъ бываетъ горько.

Иногда, завязавъ деньги въ тряпки, она бросала ихъ да-

леко отъ кельи, и бѣдныя находили ихъ. Тѣ, которые иногда по усердію приносили затворницѣ воду, находили иногда деньги въ порожнихъ ведрахъ, которыя затворница выставляла обратно.

Такъ какъ въ обители на Каменной Горѣ не было официально монастыря, и такъ какъ обитель имѣла большія нужды—именно, ограда обветшала и обвалилась, не было теплой церкви, то нѣкоторыя сестры тяготились этимъ и переходили въ другіе монастыри.

Между тѣмъ, городской голова Ельца, богатый купецъ Иванъ Васильевичъ Шапошниковъ, не разъ обѣщался обстроить обитель Каменной Горы и выхлопотать открытіе монастыря. Спрашивали затворницу, исполнить ли Шапошниковъ по своему обѣщанію?

— Что Божія часть, то Богъ и приметъ отъ него,— отвѣчала съ твердостью затворница.

И, дѣйствительно, это и произошло въ 1823 году.

Вмѣстѣ съ нѣкоторою славою затворница несла также и поношеніе.

Говорили, что она не ходитъ къ церковнымъ службамъ по лѣни и изъ-за лѣни же избѣгаетъ послушаній, а въ любви къ уединенію прикидывается для похвалы. Одно время ей страшно докучала завидовавшая ей монахиня Ельпидифора, жившая близко къ ея кельѣ.

Когда у этой монахини Ельпидифоры заболѣла родственница, тяжело стлавшая, она устроила ей постель подъ самымъ окномъ затворницы, и оставила ее тамъ на все лѣто. Когда настали холода, и больную пришлось взять въ келью, тогда монахиня Ельпидифора привязала у кельи затворницы козу, и загородила ей оттуда выходъ, такъ что бѣдное животное постоянно бляло, нанося тѣмъ муку затворницѣ.

Когда же это искушеніе прекратилось, врагъ сталъ испытывать ее ночными привидѣніями, нападавшими на нее, какъ это было съ великими иноками. Привидѣнія принимали то образъ звѣрей, то образъ лицъ, ее оскорблявшихъ. Однажды врагъ вырвалъ у нея множество волосъ изъ головы, и не разъ ударялъ ее о-земь, такъ что Василиса Ивановна находила ее даже полумертвой.

Тѣ же искушенія терпѣлъ въ пустынѣ и великій старецъ Серафимъ Саровскій. Но едва ли «врагъ» могъ мучить затворницу, какъ мучила себя она сама.

Вотъ, на примѣръ, признаніе ея о томъ, какимъ образомъ она принуждаетъ себя бодрствовать въ ночныхъ молитвахъ:

— Отъ юности пріучила я себя къ бодрствованію въ ночное время. Постъ и безмолвіе помогали мнѣ въ этомъ. А когда

отягощала мѣня сонъ, то за волосы къ стѣнѣ, гдѣ набиты были гвозди, привязывала я голову, и тѣмъ не допускала дремотѣ овладѣть мною, и сейчасъ же пробуждалась.

Въ затворницѣ, несомнѣнно, дѣйствовалъ даръ прозорливости. Вотъ, примѣры.

Въ елецкой тюрьмѣ былъ одинъ узникъ, имя котораго забыто. Онъ былъ осужденъ несправедливо по наговорамъ и, когда былъ оправданъ по суду, уже умеръ. При приближеніи смерти онъ пригласилъ священника приобщить его. Въ этотъ же день затворница Меланія ранымъ-рано послала къ своей благопріятельницѣ, купчихѣ Лавровой, просьбу отложить для нея чаю, сахару и сладкаго пирога, готовившагося въ тотъ день, и все это послать умирающему.

Лаврова была удивлена тѣмъ, что затворница знала о томъ, что у нея есть въ печи. Удивился и больной, когда ему подали эти «утѣшенія», о которыхъ онъ почему-то мечталъ, не смѣя никому открыть своихъ мыслей. И схороненъ онъ былъ нѣкимъ купцомъ Перекалинымъ на свои средства, по указанію затворницы же.

Приѣхала въ Елецъ помѣщица Кромскаго уѣзда, Орловской губерніи, Александра Петровна Маслова, покинутая своимъ мужемъ. Оставивъ карету свою у подошвы Каменной Горы, Маслова со спутницами пошла по крутому подъему къ затворницѣ. Она купила для затворницы чаю и сахару, но все забыла въ каретѣ. Въ разговорѣ затворница сказала ей:

— Я бы васъ угостила, да у меня чая и сахара нѣтъ. Пришла ко мнѣ барыня, а чай и сахаръ дома забыла; она для меня его и купила.

Между тѣмъ, госпожа Маслова нарочно одѣлась по-крестьянски, такъ что, кромѣ указаній на чай и сахаръ, была крайне удивлена, когда затворница назвала ее барыней.

Когда узелокъ принесенъ былъ изъ кареты и врученъ затворницѣ, она отдѣлила себѣ немного и, возвращая остальное Масловой, сказала:

— Возьми, тебѣ самой нужно будетъ. Ты тутъ долго проживешь, а деньги не скоро получишь.

— Мнѣ денегъ не отъ кого ожидать,—отвѣтила Маслова.

— А отъ мужа.

— Онъ меня навсегда оставилъ.

— Пришлетъ, пришлетъ, и будешь богата,—отвѣчала увѣренно затворница.

Такъ и случилось.

Всю весну Маслова провела въ Елецкомъ уѣздѣ, въ разныхъ мѣстахъ, у родныхъ. Затѣмъ мужъ ея оставилъ ей по духовному завѣщанію сто тысячъ рублей, и когда Маслова по-

ѣхала разсказать объ этомъ затворницѣ, та, не давъ ей заговорить, сказала:

— Недаромъ ты стала ѣздить къ намъ въ Елецъ: построй-ка ты богадѣльню!

— О, матушка,—воскликнула Маслова,—вѣдь, мать моя, умирая, завѣщала мнѣ выстроить богадѣльню!

Когда кто подавалъ затворницѣ пожертвованіе съ усердіемъ, она хвалила его, и иногда вкушала тутъ же, если это было съѣстное. Но тѣмъ, кто подавалъ въ скупости, возвращала милостыню обратно. Иногда выкидывала въ окно безъ всякаго вниманія.

Былъ въ Ельцѣ купецъ Лавровъ-Кречеть, который близко зналъ отца Иллариона Меѳодіевича, впослѣдствіи знаменитаго троекуровскаго затворника. Одно время Илларионъ жилъ въ домѣ его, и Лавровъ-Кречеть открыто говорилъ:

— Я всѣмъ моимъ капиталомъ обязанъ молитвѣ о. Иллариона. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился у насъ, Богъ благословилъ домъ мой всякимъ изобиліемъ, и гдѣ надлежало быть по торговлѣ нашей убыткамъ, — тамъ неожиданно были очень большіе барыши.

Молодой Лавровъ-Кречеть, уважая затворницу, пришель однажды къ ней въ праздникъ прямо отъ обѣдни изъ монастырской церкви, чтобы спросить совѣта по крайне важному и занимавшему его вопросу.

— Пойди-ка, мой любезный,—сказала ему затворница,—перенеси мнѣ дрова въ сѣнцы.

Нечего дѣлать, пришлось молодому человѣку, одѣтому по праздничному, переносить дрова.

— Ну, теперь иди съ Богомъ! Ты будешь хорошій монахъ,—сказала затворница, когда онъ кончилъ работу.

А онъ и приходилъ только для того, чтобы посоветоваться съ ней насчетъ монашества. Онъ постригся и умеръ впослѣдствіи въ Почаевской лаврѣ, съ именемъ Ксенофонта.

Разъ, какъ-то, затворница послала къ благотворившей ей доброй купчихѣ Гавриловой просить арбуза. Просьба эта застала Гаврилову за хозяйственными хлопотами, и она съ ропотомъ исполнила просьбу.

Затворница, получивъ арбузъ, долго его разсматривала, потомъ вырѣзала изъ него сердцевину, высыпала въ него много земли и, закрывъ, послала обратно. Гаврилова поняла, что затворница уличаетъ ее въ той неохотѣ, съ которой она исполнила ея просьбу.

Двѣ женщины пришли къ Меланіи за благословеніемъ. Одна—бѣдная—приготовила ей калачъ и тужила, что не могла

принести ничего больше. У другой были крендели, и она спрашивала себя—«ну, куда ей столько!»

Когда онѣ постучались въ окошечко, затворница Меланія сказала первой:

— Я ѣсть хочу, дай-ка мнѣ твой калачъ!—и поцѣловала его, взявъ.

А отъ другой не взяла ея даръ и промолвила:

— Вотъ, добра накупила, сухіе да черные! Ъшь сама, мнѣ не нужны они!

Когда монахини въ скорбяхъ приходили къ ея окошечку и говорили ей про себя:

— Матушка Меланія, у меня такая-то скорбь и такое-то искушеніе, помолись обо мнѣ, Бога ради!

Тогда Господь чудесно извѣщалъ затворницу о нуждахъ этихъ сестеръ и, по молитвамъ затворницы, посылалъ имъ скорое облегченіе.

Когда мы любуемся деревомъ, осыпаннымъ чудными плодами, мы не можемъ уяснить себѣ тайнъ его роста: какіе соки впитывало оно въ себя изъ почвы, чѣмъ питалось изъ воздуха? Дивимся только виду, любуемся и наслаждаемся плодами. Такъ же бываетъ тогда, когда предъ нами въ величїи духа стоитъ подвижникъ: большая часть подвиговъ его, вѣдь, остается намъ неизвѣстными, и скрыты отъ насъ тѣ труды, которыми достигъ онъ высоты духа, на которой мы его застали.

Столь же сокровенна была и жизнь затворницы Меланїи, особенно въ годы ея, проведенные въ затворѣ. Но та благодать, которой она удостоилась отъ Бога, обстоятельства ея смерти, послѣдующія ея явленія: все это говоритъ о томъ, что велики должны были быть ея подвиги—больше и выше того, что мы о ней знаемъ.

Съ весны 1836 года блаженная Меланія была какъ-то особенно погружена въ себя. Легкій кашель, доносившійся временами изъ ея кельи, показывалъ, что она недомогаетъ.

Наступилъ постъ апостоловъ Петра и Павла. Она готовилась къ причастію. Священникъ пришелъ къ ней изъ церкви со святыми Дарами, предшествуемый причетникомъ съ зажженной свѣчей. Вдругъ, подулъ сильный вѣтеръ и загасилъ по дорогѣ свѣчу. Причетникъ хотѣлъ вернуться въ церковь, но торопившійся священникъ сказалъ:

— Все равно, зажжемъ тамъ!

Когда же они вошли въ келью къ подвижницѣ, свѣча внезапно зажглась въ сѣняхъ сама.

Это необыкновенное явленіе было замѣчено всѣми. Причетникъ этотъ былъ служившій впоследствии въ Знаменскомъ монастырѣ діакономъ—Іоаннъ Александровичъ Гасановъ.

Вечеромъ, въ день причастія, Меланія приказала купить мѣру угля и, поднявъ половицу, всыпала угли подъ полъ, подъ иконами. Тогда не чувствовали, для чего это было сдѣлано. Но по ея смерти многіе изъ окрестностей утверждали, что монахиня въ сновидѣніи являлась имъ и приказывала брать уголь въ кельѣ затворницы Меланіи съ Каменной Горы изъ угла подъ иконами... Нѣкоторые приходили за этимъ углемъ даже очень издалека.

Надо думать, что время преставленія Меланіи ей было заранѣе открыто. Незадолго до ея смерти пришла къ ней дѣвица отъ одной купчихи и, противъ своего обыкновенія, Меланія, не принимавшая въ свою келью никого, кромѣ духовника, ввела ее во внутрь, приказала ей согрѣть самоваръ и теплой водой омыла себѣ лицо, руки и ноги. Посланная вызывалась помочь ей, но затворница сказала:

— Не надо! У меня самой есть еще силы.

На прощаніе она сказала дѣвицѣ:

— Благодарю, иди съ Богомъ, скажи всѣмъ, чтобъ грѣшную Меланію простили во всемъ, и я всѣхъ прощаю.

Тутъ она, словно отъ слабости, прилегла и затѣмъ громко произнесла:

— Слава Богу, слава Богу, слава Богу за все!

Одиннадцатаго іюня, передъ утреней, послушница Наталія принесла затворницѣ воду и, сотворивъ молитву у окна, ждала отвѣта. Отвѣта не было. Она отошла къ двери и хотѣла отворить ее, но чувствовала, что дверь чѣмъ-то приперта изнутри.

Она поспѣшила къ игуменіи, которая послала въ келью Меланіи двухъ старыхъ монахинь. Дверь была отперта.

Блаженная Меланія лежала на полу, съ молитвенно поднятыми руками. Выраженіе лица ея было свято. Она словно созерцала стоящую передъ ней икону Спасителя въ темницѣ. Необычайный свѣтъ и покой разлитъ былъ по ея лицу.

Множество народа стало собираться въ монастырь при вѣсти о кончинѣ блаженной. Три женщины изъ Задонска съ клятвами показывали, что въ самую полночь видѣли онѣ надъ Каменной Горой огненный столбъ, озарявшій окрестность и достигающій неба.

Елецкіе граждане, изъ уваженія къ почившей, на память и благословеніе разобрали не только ея одежду, но и самый мохъ изъ стѣнъ кельи и почти всю келью. Сорокъ дней по кончинѣ ея не прекращался приливъ народа, которымъ полна была обитель день и ночь. Священники еле успѣвали совершать панихиды. Губернаторъ и архіерей встревожились, когда объ этомъ дошли до нихъ слухи. Было произведено дознаніе объ обстоя-

тельствѣхъ послѣ кончины затворницы. Тутъ же было заявлено о семи происшедшихъ исцѣленіяхъ.

При новомъ слѣдствіи игуменія показала, что затворница была найдена мертвою, лежавшей на полу бокомъ, въ одной сорочкѣ, такъ какъ не имѣла никакой другой одежды и погребена въ одѣяніи, пожертвованномъ нѣкоторыми изъ монахинь. Игуменія сообщала, что при поступленіи ея на должность игуменіи, посѣщая келью Меланіи, она спросила у нея письменный видъ. Но затворница отвѣчала, что такъ какъ она жительница здѣшняго города и никуда изъ монастыря не отлучается, то вида не нужно.

Недоброежелательныя отношенія къ памяти Меланіи со стороны епархіальнаго начальства не прекращались. Черезъ годъ послѣ ея смерти преосвященный Орловскій Никодимъ запретилъ служить по ней панихиды на ея могилѣ, а только въ храмѣ. Между тѣмъ, необыкновенныя обстоятельства послѣ кончины ея умножались.

Старецъ Задонскаго монастыря, монахъ Сергій, уважая затворницу, очень жалѣлъ, что не получилъ себѣ ни одной вещи ея на благословеніе. По пріѣздѣ его въ Елецъ старица снилась ему во снѣ и сказала:

— Если хочешь благословенія, возьми себѣ на память мой платокъ и мои волосы. Въ немъ завернуты эти волосы, исторгнутые изъ главы моей демонами, когда они, попущеніемъ Божіимъ, за мои грѣхи нападали на меня во время молитвеннаго ночного моего подвига. Ты отыщи ихъ во святомъ углу подъ поломъ моей кельи.

Тамъ онъ ихъ и нашель.

Этотъ старецъ Сергій жалѣлъ, что при жизни не снялъ съ затворницы Меланіи портрета. Вскорѣ затворница явилась ему во снѣ и приказала ему хорошенько замѣтить черты ея лица. Онъ видѣлъ ее съ большимъ сіяющимъ крестомъ въ рукахъ, и по его рассказамъ живописецъ изобразилъ ее такъ, что всѣ находятъ портретъ очень удачнымъ.

Когда пріѣзжалъ въ монастырь гонитель памяти Меланіи, преосвященный Никодимъ, во время не успѣли прибрать первый портретъ затворницы, а преосвященный всюду искалъ слѣдовъ затворницы. Несмотря на то, что онъ со своей свитой былъ въ той комнатѣ, гдѣ находился этотъ портретъ, онъ его не увидалъ, хотя портретъ висѣлъ открытымъ на стѣнѣ.

Многія монахини при построеніи монастырской каменной ограды слышали, во время сна, голосъ затворницы: «неси кирпичи». А одна изъ монахинь, пробудившись, видѣла Меланію выходившею изъ кельи.

Жена помѣщика Ливенскаго уѣзда, Орловской губерніи,

Симашко—въ молодыхъ годахъ страдала зубной болью, такъ что около двухъ недѣль не могла ничего принимать, кромѣ жидкости, и лишилась сна. Докторъ ей не могъ помочь. Такъ какъ передъ тѣмъ она слышала о блаженной кончинѣ Меланіи, то стала призывать ее:

— Если ты, дѣйствительно, угодила Богу, Меланьюшка, исцѣли меня!

Тутъ она почувствовала, словно кто-то сталь тянуть и выдергивать у нея больной зубъ. Къ удивленію своему, она ощутила, что боль унялась. Послѣ этого зубы у нея не болѣли болѣе десяти лѣтъ.

Мать госпожи Симашко, Раненбургскаго уѣзда, Рязанской губерніи, помѣщица Анастасія Матвѣевна Бунина, была исцѣлена у могилы затворницы Меланіи, куда ее привезли недвижимой на постели въ каретѣ.

Во время панихиды у гроба затворницы Меланіи, въ день ея памяти, одиннадцатаго числа, она почувствовала облегченіе болѣзни ноги и сразу пошла.

Нѣкоторое время келья затворницы Меланіи имѣла заросшій и запустѣлый видъ. Дверь ея заросла травой, окна были закрыты ставнями. Мимо кельи пролежала тропинка, которая спускалась внизъ по горѣ маленькими ступенями. Но память затворницы Меланіи не заглохла. По усердію елецкихъ гражданъ—на ея могилѣ устроены были памятникъ въ видѣ чугунной часовни, какъ бы маленькая келейка бѣлаго цвѣта подъ осѣненіемъ золотого креста. Внутри памятника-кельи горитъ лампада передъ иконописнымъ изображеніемъ распятія Христа. Блаженная Меланія доселѣ какъ бы живетъ и присутствуетъ на Каменной Горѣ.

Многіе видятъ ее въ сновидѣніяхъ. Она помогаетъ людямъ въ скорбяхъ, разрѣшаетъ недоумѣнія, возбуждаетъ къ молитвѣ, исцѣляетъ неизлѣчимыя болѣзни, иногда кротко обличаетъ. Страдающіе бѣснованіемъ не могутъ стоять спокойно на ея могилѣ и теряютъ тамъ чувства. Не разъ на могилѣ Меланіи въ ночное время ночные сторожа и монахини видали необыкновенный таинственный свѣтъ. Такъ—престарѣлая монахиня Маврикія, имѣвшая отъ роду болѣе семидесяти лѣтъ и болѣе пятидесяти лѣтъ жившая въ монастырѣ, однажды—въ ночь на день Сошествія Святаго Духа—вышла изъ кельи и, помолившись на востокъ, увидѣла надъ гробомъ затворницы Меланіи какъ бы занимающуюся зарю, которая потомъ разгорѣлась въ великолѣпное сіяніе.

Другая монахиня, Модеста, схоронивъ юную дочь свою, монахиню Митрофанію, умершую внезапно отъ горячки, не-

утѣшно скорбѣла. Тутъ видить она во снѣ затворницу Меланію, которая говоритъ ей:

— Полно тебѣ скорбѣть! Потрудиись лучше, Бога ради, продавай мои книжечки!

Монахиня успокоилась. А вскорѣ въ монастырь были присланы жизнеописанія Меланіи, которыя Модестѣ настоятельница поручила продавать при свѣчной продажѣ.

Въ селѣ Илька, Курской губерніи, Суджанскаго уѣзда, въ домѣ мѣщанина Абрамова находился замѣчатѣльный портретъ затворницы Меланіи, сохранившійся не поврежденнымъ въ пожаръ въ 1869 году. Пожаръ этотъ истребилъ въ нѣсколько часовъ домъ съ надворными строениями, а портретъ ея былъ найденъ на дворѣ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ, сыномъ Абрамовыхъ, посреди горящихъ угольевъ.

Одинъ офицеръ пѣхотнаго Дорогобужскаго полка, который былъ расположенъ въ Ельцѣ, вслѣдствіе долго не подававшейся лѣченію лихорадки, думалъ бросить службу. Зайдя въ монастырскую церковь помолиться,—онъ, покупая свѣчу, спросилъ о книжкахъ, которыя лежали на свѣчномъ ящикѣ. Упомянутая выше Модеста объяснила ему, что это жизнеописаніе затворницы, дѣвицы Меланіи.

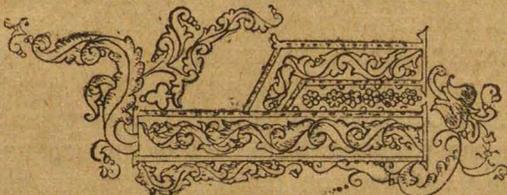
— Ваша Меланія великая угодница Божія,—сказалъ офицеръ, вздохнувъ.—Я находился при смерти и видѣлъ ее во снѣ. Теперь понимаю, что означаетъ этотъ сонъ.

Онъ отслужилъ панихиду у гроба затворницы и совершенно выздоровѣлъ.

Онъ былъ еще на поклоненіи у гроба затворницы, а потомъ съ полкомъ долженъ былъ перейти въ другой городъ.

Въ монастырскихъ бумагахъ есть письма изъ Петербурга, изъ Царицына, изъ Забайкаля и другихъ мѣстностей, въ которыхъ разныя лица свидѣтельствуютъ о загробной помощи затворницы Меланіи.

Протомивъ себя столько лѣтъ вольной мукой, блаженная затворница слишкомъ хорошо знаетъ, что значить земное страданіе и стремится облегчить его.

ИГУМЕНЪ ФИЛАРЕТЬ

(возобновитель и настоятель Глинской пустыни).

I. Дѣтство, отрочество, юность.

ОТЕЦЪ Филареть, одинъ изъ выдающихся настоятелей русскихъ монастырей, замѣчательнѣе тѣмъ болѣе, что, кромѣ личныхъ трудовъ настоятельства, онъ понесъ еще великіе труды по возобновленію Глинской обители.

Онъ родился на Украинѣ, въ простонародной семьѣ, въ 1777 году, и носилъ въ міру имя Ѳомы Данилевскаго. Съ ранняго дѣтства на него имѣла большое вліяніе его мать, Θεодосія, отличавшаяся умомъ и благочестіемъ.

Между прочимъ, она пріучила сына къ тому, чтобы онъ неопустительно, утромъ и вечеромъ, прочитывалъ положенныя молитвы. Она вложила въ него первая тотъ корень благочестія, который такъ быстро, легко и прочно укореняется въ избранныхъ Богомъ душахъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ мать водила мальчика въ церковь и, вернувшись съ нимъ домой, просила его пересказывать ей то, что было читано въ дневномъ Апостолѣ и Евангеліи.

Малюткѣ было восемь лѣтъ, когда онъ заявилъ о своемъ неотступномъ желаніи учиться грамотѣ. Цѣлую недѣлю онъ плакалъ, прося родителей отдать его въ школу. Родители, помолясь Богу, посовѣтовались между собою и, вѣроятно, спасая ребенка отъ возможнаго въ школѣ дурнаго вліянія, рѣшили отдать его благочестивой вдовѣ одного протоіерея, которая обучала у себя дома малолѣтнихъ своихъ внуковъ. Ѳома сталъ учиться съ ними и вскорѣ одолѣлъ грамоту. Мальчикъ

быль очень понятливъ, не любилъ сидѣть безъ дѣла и перенималъ у взрослыхъ ихъ знанія. Такъ, онъ приучилъ себя къ нѣкоторымъ мастерствамъ, а отъ матери присмотрѣлся даже къ стряпанію.

Ходя въ церковь, набожный мальчикъ сталъ — по-немногу — помогать причетнику въ чтеніи и пѣніи, и по своей любознательности и быстрой сметкѣ хорошо усвоилъ себѣ церковные уставы. Вслѣдствіе такой любви къ церкви, мальчика полюбили одинъ мѣстный священникъ и поощрялъ его въ его трудахъ. Наружность Ѳомы соотвѣтствовала его внутреннимъ душевнымъ качествамъ.

Какъ-то, отправляясь въ Кіевъ, протоіерей, покровительствовавшій Ѳомѣ, взялъ его съ собою и повелъ его, между прочимъ, къ своему знакомому іеромонаху Трифилію, который былъ настоятелемъ дальнихъ пещеръ. Трифилій выразилъ протоіерею сожалѣніе, что не имѣетъ у себя канонарха. Протоіерей сказалъ ему, что Ѳома очень годенъ для обязанности канонарха. Тутъ же былъ испробованъ голосъ и знаніе мальчикомъ канонаршей службы, и тотчасъ Трифилій предложилъ Ѳомѣ остаться у него канонархомъ и келейникомъ, на что Ѳома съ радостью согласился.

Сильно вліяли на набожную душу мальчика прекрасные храмы лавры, истовое торжественное богослуженіе и та благодать Приснодѣвы, которая вѣетъ надъ этимъ мѣстомъ Ея земного жребія, и близость нетлѣнно почивающихъ въ пещерахъ угодниковъ.

Исполняя обязанности канонарха, юноша еще ближе и точнѣе изучилъ церковные уставы и пѣніе. А то множество народа, съ которымъ приходилось имѣть дѣло Ѳомѣ, такъ какъ онъ о всѣхъ долженъ былъ докладывать отцу Трифилію, — при его умѣ дало ему знаніе людей. Отецъ Трифилій былъ требователь, настаивая на томъ, чтобы ему служили усердно, держали его келью въ чистотѣ. Отдыха его келейнику было мало, вознагражденія за труды свои онъ не получалъ и даже одежду покупалъ на деньги, которыя ему присылала изъ родного села мать. Между тѣмъ, на рукахъ молодого Ѳомы было все хозяйство отца Трифилія, не запертые лежали у него въ ящикѣ значительныя суммы, и ни разу онъ не поддавался соблазну.

Отецъ Трифилій въ это время внимательно наблюдалъ за своимъ послушникомъ. Жизнь въ Кіевской лаврѣ, гдѣ постоянно бываетъ много богомольцевъ и которая расположена, можно сказать, въ самомъ городѣ Кіевѣ, — городѣ столичномъ, шумномъ, — могла доставить юношѣ много испытаній. Но отецъ Трифилій зорко слѣдилъ за нимъ и постоянно его наставлялъ и предостерегалъ.

Какъ-то, послѣ провода гостей, онъ бесѣдовалъ со своимъ келейникомъ и спросилъ его:

— Что ты полагаешь о людяхъ, которыхъ ты теперь проводишь? Видѣлъ ли ты, какъ одинъ изъ нихъ постоянно лепеталъ, а другой молча бесѣдовалъ самъ съ собою, а можетъ быть—и съ Богомъ? Многословіе перваго происходитъ отъ легкомыслія, а молчаніе втораго отъ великаго благоразумія.

У Ѳомы было завѣтное желаніе зажить семейною жизнью и получить санъ діакона. Такъ какъ онъ обладалъ прекраснымъ голосомъ, ему представлялось, какъ онъ своимъ благолѣпнымъ служеніемъ и красивымъ чтеніемъ съ амвона евангелія приводитъ въ умиленіе молящейся народъ. А кромѣ того, ему съ дѣтскихъ лѣтъ нравились сельскія работы и жизнь въ деревнѣ. Эту мечту свою Ѳома довѣрилъ отцу Трифилію, а тотъ—какъ бы въ духѣ пророческомъ—отвѣтилъ ему:

— Знай, что ты будешь монахомъ и начальникомъ надъ многими монахами.

Такъ оно впоследствии и вышло.

Три года несъ Ѳома Данилевскій послушаніе при дальнихъ пещерахъ. Послѣ того ему пришлось отбывать воинскую повинность въ черноморскомъ казачьемъ войскѣ, въ Екатеринодарѣ. Онъ былъ опредѣленъ въ войсковую церковь, гдѣ доставлялъ молящимся не мало утѣшенія своимъ приятнымъ голосомъ и отчетливымъ чтеніемъ. Ему предлагали въ Екатеринодарѣ діаконское мѣсто, и его мечта, такимъ образомъ, была близка къ исполненію. Но тутъ же Промыслъ Божій ему указалъ иной путь. Ѳома опасно заболѣлъ,—такъ, что еле могъ передвигаться. Въ это время въ Екатеринодаръ пришли изъ Кіева послушники, знакомые ему по лаврѣ. Жалѣя больного, они посовѣтовали ему дать обѣтъ побывать въ Кіевѣ на поклоненіи Божіей Матери и преподобнымъ печерскимъ. Больной отвѣчалъ, что онъ съ радостью это сдѣлаетъ, если бы благодатью Богоматери былъ исцѣленъ отъ недуговъ. Со слѣдующаго дня ему стало лучше, и онъ, во исполненіе обѣта, выздоровѣвъ совершенно, отправился въ Кіевъ на поклоненіе.

Въ Кіевской лаврѣ онъ зачисленъ съ радостью въ число клирошанъ Великой церкви. Теперь окрѣпшій голосъ его звучалъ еще лучше. Часто видался и водилъ духовныя бесѣды Ѳома съ іеромонахомъ Антоніемъ, который впоследствии былъ епископомъ Воронежскимъ и является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ подвижниковъ среди русскаго епископства. Съ іеромонахомъ Антоніемъ отецъ Ѳома не разставался совершенно до конца своихъ дней. Еще во время жизни подвижника въ Кіевѣ, онъ пользовался постоянно его совѣтами.

Ѳомѣ было двадцать пять лѣтъ, онъ былъ красивъ собою.

На него со всѣхъ сторонъ неслись искушенія. Монастырское начальство не одинъ разъ предлагало ему приписаться къ братству монастыря.

• Но Данилевскій не дѣлалъ этого, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду куда-нибудь уйти изъ Кіева. Отецъ Антоній, со своей стороны, совѣтовалъ ему устроиться въ какомъ-нибудь пустынномъ монастырѣ.

Случай, казалось, былъ очень подходящий. Лавру посѣтили иноки Софроніевой пустыни, съ которыми Ѳома вступилъ въ бесѣду. Какимъ-то глубокимъ миромъ вѣяло отъ рассказовъ ихъ о глубокомъ уединеніи обителя, объ общежительномъ уставѣ и строгихъ праведникахъ, о старцѣ Ѳеодосіи, имѣвшемъ большой духовный опытъ, о библиотекѣ, которая богата твореніями святыхъ отцовъ... Все это окружало Софроніеву пустынь какимъ-то ореоломъ, неудержимо влекло въ нее любителей безмолвія.

Ѳома колебался, что ему дѣлать, какъ въ первую же ночь послѣ болѣзни ему явился во снѣ архимандритъ Ѳеодосій съ избранными братьями и любовнымъ взоромъ позвалъ его присоединиться къ ихъ обители. Утромъ Ѳома проснулся совершенно успокоенный, въ какомъ-то сладостномъ чувствѣ. Онъ рѣшилъ, что надъ нимъ было явное знаменіе непосредственной Божіей воли. И онъ тотчасъ же рѣшился идти въ Софроніеву пустынь. Однако, онъ позадержался въ своемъ намѣреніи до новаго толчка.

Какъ-то, въ праздничный день, знаменитый проповѣдникъ и протоіерей Кіево-Софійскаго собора Іоаннъ Лаванда въ Великой лаврской церкви говорилъ слово на текстъ: «Скажи мнѣ, Господи, путь, въ онъ же пойду», и эти слова Священнаго Писанія какъ-то особенно глубоко запали въ душу Ѳомы. Онъ обливался слезами, слушая, какъ ораторъ нѣсколько разъ съ силою повторялъ:

— Скажи мнѣ, Господи, путь, въ онъ же пойду!..

И эти слова какъ бы воцарились въ сердцѣ Ѳомы, и онъ молился ими, когда только могъ, чтобы Господь помогъ ему найти себѣ путь...

Наконецъ, Ѳома окончательно рѣшился разстаться съ Кіево-Печерской лаврой и идти въ Софроніеву пустынь.

II. Софроніева пустынь.

Наставникомъ отца Филарета въ Софроніевой пустыни сталъ настоятель ея, архимандритъ Θεодосій.

Этотъ опытный инокъ происходилъ изъ купеческой семьи города Глухова, Черниговской губерніи, и начало иночества полагалъ въ одномъ изъ молдавскихъ монастырей. Тамъ отецъ Θεодосій сблизился съ великимъ старцемъ Паисіемъ Величковскимъ, который былъ строгимъ блюстителемъ иноческихъ уставовъ и великимъ ревнителемъ истинной монашеской жизни на почвѣ старчества. Братія одного изъ молдавскихъ монастырей уважала отца Θεодосія и избрала его своимъ настоятелемъ.

Главной чертой его характера была строгость, которая требовала послушанія безъ всякихъ возраженій. Однако, онъ былъ снисходителенъ къ немощамъ. Вслѣдствіе неприяностей съ турками отецъ Θεодосій былъ вынужденъ выходить изъ турецкихъ владѣній. И тутъ онъ обратился къ русскому правительству съ просьбой дать ему какой-нибудь монастырь, куда бы онъ могъ переселиться съ братіей. Софроніева же пустынь расположена неподалеку отъ его родины.

Въ 1779 году отецъ Θεодосій былъ назначенъ строителемъ Софроніевой пустыни, Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи. Ему было предложено туда переѣхать и перевести съ собою— по ихъ желанію— часть братіи. Отецъ Θεодосій и въ новой обители ввелъ, съ помощью переведенной имъ братіи, старую закваску и строгій афонскій монашескій уставъ. Онъ умѣло руководилъ своими учениками. Его-то и просилъ Оома Данилевскій о принятіи въ Софроніеву пустынь. Архимандритъ Θεодосій радостно принялъ чистаго душой и тѣломъ юношу въ число братства и, предчувствуя будущее, говорилъ о немъ:

— Сей братъ упокоить душу мою,—душа моя благово-
литъ о немъ...

Черезъ три дня уже по своемъ прибытіи Оома, какъ хорошо знающій пѣніе и церковные уставы, былъ назначенъ управлять клиросными. Въ этомъ же году онъ былъ постриженъ въ мантию, подъ именемъ Филарета. Имя для него—вполнѣ подходящее, такъ какъ въ переводѣ съ греческаго оно означаетъ: «любящій добродѣтели».

Архимандритъ Θεодосій самъ руководилъ отца Филарета, наставлялъ его въ духовной борьбѣ, подаривъ ему книгу для чтенія, гдѣ содержится подробное объясненіе о духовномъ трезвеніи и молитвѣ и указалъ своему ученику на страницы, особенно для него полезныя.

Отецъ Филаретъ съ большой охотой читалъ и перечиты-

валь увѣщанія Антонія Великаго и главы изъ твореній Марка подвижника. Для того, чтобы проникновенно понимать книгу, онъ молился Богу, чтобы Богъ послалъ ему разумѣнїе ея и все болѣе и болѣе обильный свѣтъ озарялъ его умъ и сердце.

Опираясь на отца Филарета, юный инокъ шель быстро по пути добродѣтели. Но ему суждено было потерять своего наставника, такъ какъ 9-го декабря 1802 года архимандритъ Θεодосій мирно закончилъ свою земную жизнь. До самаго конца отецъ Θεодосій заботился объ отцѣ Филаретѣ. Онъ успѣлъ представить его къ посвященію въ іеродіакона. И, чувствуя близость смерти, поручилъ его руководству одного строгаго старца подвижника, который мудро руководилъ отца Филарета, отсѣкая его волю. Старца этого отецъ Филаретъ посѣщаль въ его кельѣ тайно, ночью, такъ какъ держался монашеской скрытности во всемъ.

Восьмого февраля 1803 года Филаретъ былъ рукоположенъ въ санъ іеродіакона и сталъ еще болѣе заботиться о спасеніи своей души.

Въ Софроніевой пустыни были тогда нелады и смуты. Иноки находили, что богослуженіе слишкомъ продолжительно, и хотѣли замѣнить его болѣе легкимъ. Но отецъ Филаретъ, который несъ тогда обязанности уставщика, воспротивился этому и сохранилъ въ церкви то, что было при жизни покойнаго старца, который положилъ для этого устава много трудовъ и заботъ. Отецъ Филаретъ говариваль, что если дѣло касается до правилъ церкви, то нужно оказывать всяческое противодѣйствіе, даже до пролитія крови.

На отца Филарета ко всѣмъ скорбямъ, которыя онъ перенесъ отъ лицъ, желающихъ нарушить уставъ, напала еще какая-то необъяснимая болѣзнь. На него находила такая спячка, что даже во время ектеніи, въ ту секунду, что пѣвчіе пѣли послѣ его возгласа, онъ начиналъ дремать, но всякій разъ бралъ себя въ руки и продолжалъ службу. Этотъ недугъ, несмотря на всѣ его усилія, продолжался пять лѣтъ, и подвижникъ все терпѣлъ съ упованіемъ.

Въ 1806 году отецъ Филаретъ былъ представленъ къ рукоположенію въ іеромонаха и назначенъ на должность монастырскаго благочиннаго. Еще раньше отецъ Филаретъ сталъ оберегать уставы отъ произвольнаго измѣненія и слѣдилъ за поведеніемъ иноковъ. Конечно, и тутъ приходилось ему терпѣть непріятности, такъ какъ всегда найдутся иноки, которые стануть разрушать уставы и высказывать неудовольствіе, когда имъ начнутъ въ этомъ препятствовать. Но, мало-по-малу, всѣ привыкли покоряться строгаго, но—вмѣстѣ съ тѣмъ—и очень справедливаго отцу благочинному.

Въ то время отецъ Филаретъ сильно возрасталъ духомъ, ведя постоянную борьбу и не переставая благодарить мысленно старца Θεодосія, который первый образовалъ въ немъ должную закваску.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ его кончины, совершая на могилѣ его панихиды, отецъ Филаретъ не могъ сдержать своихъ слезъ о своемъ незабвенномъ наставникѣ. И теперь отецъ Филаретъ, по старому своему правилу и съ дѣтскою вѣрою, повиновался своему старцу.

Отецъ Филаретъ все это время жилъ въ общемъ зданіи. Тутъ были частыя встрѣчи, лишніе разговоры съ братіей, которые нарушали его любимое безмолвіе. Когда освободилась келья въ саду обители, въ нее перешелъ отецъ Филаретъ. Эта келья долгое время послѣ смерти отца Филарета такъ и называлась «кельей уставщика Филарета». Изъ этого видно, что прохожденіе отцомъ Филаретомъ службы въ должности уставщика осталось сильно въ памяти глинской братіи.

Эта келья была маленькая и скрыла изъ подвиговъ Филарета все, кромѣ того, что онъ самъ открылъ своимъ ученикамъ. Здѣсь онъ возрасталъ въ окончательной духовной силѣ, здѣсь на опытѣ проходилъ таинственное ученіе Свмеона Новаго Богослова, Григорія Синаита и другихъ наставниковъ умной молитвы и созерцательной жизни въ Богѣ, и тутъ онъ приобрѣлъ даръ не развлекаемой, неустанно дѣйствующей молитвы исусовой.

Въ этомъ уединеніи отцу Филарету было суждено приготовиться къ ревностному прохожденію должности настоятеля. Здѣсь ему пришлось и вынести борьбу,—ту великую борьбу на духовъ злобы, которою они ополчаются на подвижника, приближающагося къ окончательной побѣдѣ.

Сперва врагъ задумалъ склонить цѣломудреннаго Филарета къ тѣлесному паденію. Однажды онъ остановилъ въ церкви взоръ Филарета на одной женщинѣ и сталъ склонять его къ похотливымъ помысламъ. Отецъ Филаретъ, чувствуя тяжелую брань, усилилъ постъ и молитву и — вышелъ побѣдителемъ. Тогда врагъ вооружилъ противъ подвижника злыхъ людей и являлся къ нему въ разныхъ видѣніяхъ, распалюющихъ чувственность, а также въ видѣ всякихъ гадовъ, нагонялъ на него страхъ и старался поколебать его. Когда же и этимъ искушеніямъ Филаретъ не поддавался,—онъ сталъ наводить на него такое уныніе, что Филаретъ бывалъ близокъ къ отчаянію. Слѣды этого испытанія можно видѣть изъ одной надписи, которую сдѣлалъ Филаретъ на одномъ переписанномъ имъ «Ирмологіи». Тамъ стоитъ латинскими буквами такое замѣчаніе: «Писалъ сей Ирмологій въ великихъ бранехъ страдальчески. Да

будеть благословенъ Богъ!» И онъ былъ готовъ на всякое страданіе и подкрѣплялъ себя зовомъ: «Убогій Филаретъ, если приблизился ты къ страданію, то будь готовъ и на крестъ».

Послѣ этой борьбы отецъ Филаретъ получилъ безстрастіе и дарованъ былъ ему даръ духовнаго разсужденія. Великая опытность ясно показывала ему, гдѣ истина и гдѣ ложь. Будучи еще лѣтъ совсѣмъ не старыхъ, моложе сорока, отецъ Филаретъ былъ уже вполне духовнымъ старцемъ. Къ нему приходили съ сомнѣніями и вопросами люди старше его годами и слушались его съ благодарностью. Такимъ образомъ, онъ уже старчествовалъ съ благословенія настоятеля и другихъ старцевъ, которые духовно поддерживали его.

Когда умеръ архимандритъ Θεодосій, отецъ Филаретъ покорилъ себя руководству схимника Θεодота, который, по совѣту отца Филарета, сталъ проходить молитву Іисусову.

Отецъ Филаретъ, при духовномъ восхожденіи своемъ, не забывалъ и внѣшняго труда. Имѣя съ дѣтства склонность къ хозяйственнымъ занятіямъ, онъ насадилъ множество плодовыхъ деревьевъ какъ въ саду, который окружалъ его уединенное жилище, такъ и въ другихъ монастырскихъ садахъ. Лѣтомъ онъ трудился на воздухѣ, а зимой—въ кельѣ, надъ перепиской нотныхъ и другихъ книгъ.

Въ 1815 году, при избраніи новаго настоятеля, отцу Филарету было предложено стать во главѣ обители, но онъ отклонилъ это предложеніе. Быть можетъ, онъ предчувствовалъ, что ему суждено трудиться въ другомъ мѣстѣ.

III. Глинская пустынь.

Въ шестнадцатомъ столѣтіи въ одной мѣстности нынѣшняго Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи, въ двѣнадцати верстахъ отъ города Глухова, явилась Пустынно-Глинская чудотворная икона Рождества Пресвятыя Богородицы, и на этомъ мѣстѣ возникла Глинская Рождество-Богородицкая пустынь.

Въ концѣ восемнадцатаго вѣка и въ началѣ девятнадцатаго эта пустынь была и бѣдна и запущена. Безпризорность ея зависѣла — главнымъ образомъ — отъ того, что настоятелями ея числились экононы курскаго архіерейскаго дома, проживавшіе при архіереяхъ и потому не могшіе слѣдить за обителью ни въ какомъ отношеніи. Въ такомъ несчастномъ положеніи пустынь пребывала болѣе пятидесяти лѣтъ.

Лучшее время для нея пошло тогда, когда она получила постоянного настоятеля. Это сдѣлано было по волѣ преосвященнаго Θεоктиста, архіепископа Курскаго, въ 1809 году.

Первый настоятель и обновитель Глинской пустыни, іеро-

монахъ Пароеній, ввелъ въ пустыни общежитіе, и обитель стала быстро улучшаться. Но противъ отца Пароенія, заводившаго новые порядки жизни, далеко не всѣмъ монахамъ угодные, была пущена въ ходъ клевета, и онъ былъ вынужденъ отказаться отъ управленія обителью. Назначенный вмѣсто него настоятель, незнакомый съ формой общежительнаго монашества, пробылъ на своемъ новомъ мѣстѣ только шесть недѣль, и обитель опять стала клониться къ упадку.

Въ то время въ Глинской пустыни жили два праведника, ради которыхъ, быть можетъ, Господь и помиловалъ ее: старецъ Θεодотъ и Василій Кишкинъ. Онъ собралъ вокругъ себя лучшихъ иноковъ, и сначала всѣ они признали, что необходимо назначить опытнаго энергичнаго монаха въ настоятели. И, не зная, на комъ остановиться, рѣшили умолять Пресвятую Владычицу, во славу Которой посвящена обитель. Послѣ долгой молитвы старцу Василю Кишкину возвѣстилось просить въ настоятели отца Филарета, подвизавшагося въ томъ же Путивльскомъ уѣздѣ, въ Софроніевой обители.

Несмотря на нѣкоторое противодѣйствіе, отецъ Филаретъ былъ назначенъ архіепископомъ въ строители, одиннадцатаго мая 1817 года. Этимъ сбылось предсказаніе старца Трифилія, которое онъ когда-то высказалъ молодому послушнику Θомѣ, что тотъ будетъ начальствовать надъ монахами.

Съ грустью простилась Софроніева пустынь съ отцомъ Филаретомъ, чувствуя, кого она въ немъ лишается. Грустно было разстаться съ обителью и отцу Филарету, который полагалъ въ ней начало иночества, провелъ въ ней незабвенные первые дни отреченія отъ себя во имя Христа, въ которой онъ прожилъ пятнадцать лѣтъ.

При вступленіи отца Филарета въ Глинскую пустынь случилось необыкновенное событіе. Какъ только онъ вышелъ изъ повозки, влетѣлъ въ нее рой пчелъ и размѣстился на его мѣстѣ. Братія сочла это явленіе за добрый знакъ. Одинъ изъ братьевъ Глинской пустыни, наканунѣ вступленія отца Филарета на настоятельство, видѣлъ во снѣ огненный столбъ, идущій отъ Софроніевой пустыни къ Глинской.

Братія тогда было въ Глинской пустыни всего до двадцати пяти человекъ. Внѣшне обитель находилась въ большомъ безпорядкѣ. Она состояла изъ нѣсколькихъ деревянныхъ, почернѣвшихъ отъ времени келій, разбросанныхъ безъ всякаго порядка на полянкѣ среди стараго сосноваго лѣса, близъ рѣчки Обесты. Единственное каменное зданіе въ обители была церковь о двухъ главахъ и подъ тесовой крышей, находившаяся тоже въ плачевномъ состояніи. Въ общемъ, въ небольшомъ зданіи было три алтаря. Внизу—небольшой алтарь Рождества Бо-

городицы и зимній алтарь святителя Николая, устроенный въ видѣ пещеръ, и вверху—небольшой храмъ Вознесенія Господня. Рѣдкія небольшія окна скупю пропускали свѣтъ. Ничтожество зданія соотвѣтствовало бѣдности утвари. Такъ, въ соборномъ храмѣ одна хоругвь была сдѣлана изъ шерстяной матеріи, а другая—изъ краснаго кумача. Главное паникадило имѣло всего пятнадцать свѣчей. Завѣса у царскихъ вратъ была составлена изъ трехъ платковъ. Въ зимнемъ храмѣ—паникадило всего о шести свѣчахъ, дарохранительница рѣзная деревянная съ жестяными бляхами, иконостасъ сильно внизу прогнилъ. Гнилой полъ проваливался. На престолѣ — одежды сильно ветшалаы. Пелена на престолѣ, въ храмѣ Вознесенія, была ситцевая на холщевой подкладкѣ. Все казалось разрушеннымъ и клонилось къ совершенному упадку.

Отецъ Филаретъ не упалъ духомъ и съ ревностью принялся за дѣло возстановленія обители.

При вступленіи въ должность онъ принялъ триста семьдесятъ рублей ассигнаціями, которыя скоро были истрачены, такъ какъ хлѣбные запасы истощились, а число братіи прибывало и прибывало.

Пришелъ къ настоятелю старшій хлѣбопекаръ и доложилъ, что закваска хлѣбная сдѣлана, а замѣсить нечѣмъ. Съ твердою вѣрою новый настоятель отвѣчалъ:

— Матерь Божія насъ собрала. Она и попечется о насъ. Намъ же должно учиться терпѣнію!

И тогда—вмѣсто хлѣба—въ пустыни на столы стали подавать вареную свеклу. Это дѣлалось въ теченіе двухъ дней. Сперва братія терпѣла это лишеніе, а потомъ, на третій день, нѣкоторые рѣшили оставить убогую обитель и пришли къ настоятелю за прощальнымъ благословеніемъ. Отецъ Филаретъ, доселѣ бодрый духомъ, теперь разрыдался. Указывая желающимъ уйти инокамъ на чудотворную икону Пресвятой Богородицы, онъ увѣщавалъ ихъ потерпѣть еще недолго, утверждая, что Божія Матерь, имени Которой посвящена обитель, окажетъ собраннымъ во имя Ея инокамъ Свою помощь. И, дѣйствительно, упованіе настоятеля не было посрамлено. Иноки рѣшились обождать, а въ ту же ночь пришло отъ неизвѣстнаго благотворителя двадцать восемь возовъ муки.

Въ другой разъ, на праздникъ Рождества Христова, не оказалось ни денегъ, ни съѣстныхъ припасовъ. Братія роптала, поколебался въ своей вѣрѣ и самъ настоятель, для котораго невозможность накормить братію въ такой великій день представлялась, дѣйствительно, большимъ крестомъ. Но подъ вечеръ неизвѣстный пріѣзжій передалъ отцу Филарету триста

рублей ассигнаціями, и праздничный обѣдъ былъ поданъ въ такомъ составѣ, какъ всегда.

Тогда отецъ Филаретъ сказалъ братіи:

— Стыдно грѣшить, но еще стыднѣе, согрѣшивши, не каяться! Воздадимъ хвалу Богу за то, что Онъ удвоилъ на насъ щедроты Свои и покаемся въ нашемъ маловѣрїи.

И, вотъ, онъ въ церкви положилъ съ казначеемъ по сто поклоновъ, самъ предъ иконою Спасителя, а казначей предъ иконою Богоматери, братіи же въ кельяхъ велѣно было положить по пятьдесятъ поклоновъ.

Нерѣдко, къ отцу Филарету приходили должностныя лица за деньгами для покупокъ, а денегъ вовсе не оказывалось. И отецъ Филаретъ просилъ потерпѣть до вечера, такъ какъ Господь можетъ явить милость Свою. И, обыкновенно, кто-нибудь тогда присылалъ настоятелю припасами или деньгами.

Такая осязательная и постоянная милость Божія укрѣпила вѣру отца Филарета, и онъ сталъ спокойно и неустанно работать надъ возрожденіемъ обители. Прежде всего, онъ позаботился о нравственной жизни своихъ подчиненныхъ.

Онъ завелъ строгій аѳонскій уставъ, который обусловливалъ собою прекрасное, полное благолѣпія, богослуженіе и порядокъ въ иноческомъ общежитіи.

Отецъ Филаретъ удалилъ изъ монастыря тѣхъ женщинъ, которыя жили на скотномъ дворѣ, смотря за рогатымъ скотомъ. Потомъ онъ воспретилъ безъ всякаго исключенія входъ женщинамъ въ иноческія кельи, хотя бы даже это была мать инока. Показывая личный примѣръ, онъ возбранилъ входъ и къ себѣ въ келью женщинамъ и внесъ этотъ обычай въ монастырскій уставъ, донинѣ соблюдаемый. Конечно, это распоряженіе сперва принято было съ неудовольствіемъ, но, мало-помалу, къ нему привыкли.

Ученики отца Филарета, по любви къ нему, переходили къ нему изъ Софроніевой пустыни въ Глинскую пустынь, а также изъ другихъ обителей. Отъ учениковъ своихъ отецъ Филаретъ требовалъ того же самаго отказа отъ своей воли, какимъ онъ отличался самъ въ молодости по отношенію къ наставнику своему.

Людей способныхъ, выдающихся, отецъ Филаретъ возвышалъ предъ другими съ большой быстротой. Такъ, одинъ монахъ постриженъ въ годъ самаго поступленія, черезъ мѣсяць поставленъ іеродіакономъ, а на другой день—іеромонахомъ. Нѣкоторые изъ выдающихся иноковъ были сдѣланы іеродіаконами на другой день по постриженіи. Такимъ образомъ, старецъ обезпечилъ себѣ прекрасный подборъ дѣльныхъ, доброй жизни, выдающихся помощниковъ.

Отець Филареть удѣляль особое вниманіе новоначальнымъ. Для будущаго инока чрезвычайно важно стать на истинный путь и укрѣпиться на немъ. Съ первыхъ же шаговъ отъ инока онъ требоваль, прежде всего, полнаго отреченія своей воли, какъ начала смиренія. Тѣмъ, которые поступали въ монастырь на испытаніе, отецъ Филареть приказываль открывать духовному отцу всю свою жизнь,—съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ до дня своего прихода въ обитель, чтобы соотвѣтственно душевному ихъ прошлому можно было вести ихъ по иноческому пути. Онъ заботливо и твердо исправляль недостатки новоначальныхъ, переходя отъ болѣе трудной духовной жизни къ болѣе легкой. И среди разнообразія новоначальныхъ его иноковъ, состоявшихъ изъ рабовъ и господъ, благородныхъ и скромнаго положенія, солдатъ и никогда не выѣзжавшихъ изъ роднаго села крестьянъ, купцовъ, умниковъ и глупыхъ людей, онъ сумѣль примѣниться ко всякому, принимая во вниманіе его воспитаніе, понятія, умъ и характеръ.

Послушанія на своихъ иноковъ Филареть накладываль, образуясь съ характеромъ и способностями всякаго. Примѣръ того, какъ онъ выработаль во вѣреннхъ его руководствѣ инокахъ послушаніе, смиреніе, какъ выработаль изъ нихъ настоящихъ монаховъ, можно видѣть изъ слѣдующаго.

Когда пришелъ къ нему проситься будущій извѣстный настоятель Святогорской, Харьковской епархіи, обители архимандритъ Германъ,—тогда Григорій Ивановичъ,—отець Филареть сразу поняль, что за человекъ къ нему пришелъ и ласково обѣщаль принять его, указавъ только, что въ убогой обители, при суровой пищѣ и тѣлесныхъ трудахъ, трудно будетъ сперва ему, происходившему изъ богатаго купческаго рода. Когда же Григорій Ивановичъ обѣщалься все претерпѣть, отецъ Филареть, ставши предъ иконою Божіей Матери, сталь молиться съ такимъ жаромъ и усердіемъ, что пришелець чувствовалъ, какъ эта молитва вселяется и возноситъ куда-то его самого. Затѣмъ настоятель велѣль ему идти на пасѣку и сказать старому пасѣчнику, что настоятель прислаль его въ послушники. Старый пасѣчникъ сейчасъ же поручилъ пришельцу сгребать въ улы пчелъ. При этой непривычной работѣ пчелы порядочно искусали лицо новоначальнаго и за этимъ дѣломъ засталъ ихъ игумень Филареть. Объ искусанномъ лицѣ Григорія онъ сказалъ:

— Доброе ты полагаешь начало. Теперь кусаютъ тебя пчелы, а потомъ стануть кусать бѣсы; и, какъ ты теперь терпишь, такъ и тогда терпи.

Затѣмъ онъ сказалъ нѣсколько словъ пасѣчнику, чтобы

тотъ не обижаль новаго послушника, и затѣмъ, перекрестивъ ихъ, медленно вернулся въ обитель.

Старый пасѣчникъ былъ неграмотный, но усердный въ подвигахъ челоуѣкъ и велъ жизнь подвижническую, пищу принималъ разъ въ день, клалъ множество земныхъ поклоновъ и молился по четкамъ, тихо нашептывая молитву Иисусову. Григорій Ивановичъ сталъ подражать ему и тоже ничего не ѣлъ до вечера, вычитывалъ своему старцу келейное правило, а также изъ Псалтири, Евангелія и Житій святыхъ.

Случилось, что, осматривая улей, Григорій Ивановичъ опрокинулъ улей себѣ на голову, и пчелы искусали ему лицо и шею до того, что онъ не могъ даже смотрѣть глазами. Въ этомъ положеніи засталъ его отецъ Филаретъ. Онъ сдѣлалъ внушеніе пасѣчнику, что тотъ долженъ самъ осматривать ульи, и прислалъ Григорію Ивановичу проволочную сѣтку, которою онъ былъ теперь застрахованъ отъ укусовъ лица.

Отецъ Филаретъ любилъ посѣщать пасѣку и, сидя на скамьѣ, наблюдать, какъ пчелы носятъ свой медъ. Иногда, подзывая къ себѣ Григорія Ивановича, онъ наставлялъ его относительно духовной борьбы, побѣжденія помысловъ и бодрствованія надъ собою. Разъ, какъ-то, принесши для промывки ульи, они стали носить воду изъ колодца, находившагося за изгородью пасѣки, и поэтому отворили калитку, которую раньше всегда затворяли. По случаю сильнаго зноя они были въ однихъ рубахахъ. Вошелъ отецъ Филаретъ и сталъ выговаривать имъ, что могутъ посторонніе соблазниться на недостаточность ихъ одежды. Старецъ сталъ оправдываться, что, нося воду, всякій разъ неудобно заперать калитку, а Григорій Ивановичъ по-просту сказалъ: «прости, отче». Игумень указалъ старому пасѣчнику на этотъ отвѣтъ, какъ на признакъ смиренія, и съ тѣхъ поръ обратилъ на Григорія Ивановича свое особое вниманіе.

Отецъ Филаретъ слѣдилъ въ поведеніи монаховъ рѣшительно за всѣмъ. Если, на примѣръ, онъ видѣлъ, что послушникъ слишкомъ размахиваетъ руками или идетъ съ гордо закинутой головой,—онъ сейчасъ же останавливалъ его и напоминалъ, что это неприлично для монаха. Все это дѣлалось для того, чтобы придать монаху тотъ внѣшній видъ благочинія и смиренія, какой соответствовалъ бы ихъ внутреннему строенію.

Вотъ, еще разсказъ о воздѣйствіи отца Филарета на инока отца Арсенія, который впоследствии былъ первымъ настоятелемъ Святыхъ Горъ.

Посланный въ Курскъ, чтобы принять тамъ рукоположеніе въ іеродіакона,—онъ, не спросясь отца настоятеля, посѣ-

тилъ свою мать и поэтому просрочилъ свою явку на семь дней. Явившись къ настоятелю, онъ думалъ загладить свою вину тѣмъ, что вручилъ ему отъ своихъ родныхъ нѣсколько цѣнныхъ вещей для ризницы. Отецъ Филаретъ благодарилъ его за вкладъ, но, прощаясь съ отцомъ Арсеніемъ, тихо сказалъ ему:

— Все это хорошо. А за то, что ты во время не явился, положи въ церкви предъ иконой Спасителя семьсотъ земныхъ поклоновъ.

Иеродіаконъ съ легкимъ сердцемъ понесъ эту эпитимию, зная, что наказаніемъ здѣсь отецъ Филаретъ хочетъ освободить душу человѣка отъ отвѣта въ небѣ.

Какъ-то, въ другой разъ, этотъ же Арсеній, собираясь служить съ отцомъ Филаретомъ въ праздничный день, облекся въ одну изъ красивыхъ ризъ, подаренныхъ обители его родными. Когда отецъ Филаретъ увидѣлъ его усердно кадящимъ въ этой ризѣ, онъ сразу понялъ его тщеславіе и, подозвавъ его, приказалъ надѣть старое мишурное облаченіе. Иеродіаконъ, упавъ ему въ ноги, умолялъ его избавить отъ этого, такъ какъ ему совѣстно кадить въ такомъ облаченіи предъ своими родными, находившимися въ церкви. Но отецъ Филаретъ былъ непреклоненъ, такъ какъ для него душа его ученика была дороже удовлетворенія его тщеславія. И, дѣйствительно, это приказаніе должно было сломить ложное тщеславіе ученика. Тому же самому Арсенію подарили разъ прекрасный чайный приборъ. И, въ чистотѣ сердца, онъ усиленно приглашалъ отца Филарета придти къ нему взглянуть на подарокъ и обновить его. Посѣтивъ ученика, отецъ Филаретъ похвалилъ подарокъ, а потомъ вдругъ бросилъ весь приборъ на полъ, такъ что тотъ вдребезги разбился. Отецъ Арсеній невольно вскрикнулъ, а отецъ Филаретъ вразумительно отвѣчалъ ему:

— Я это сдѣлалъ для того, чтобы ты не привязывался къ земнымъ вещамъ!

Отецъ Филаретъ зналъ, конечно, силы души своего ученика и заставлялъ его терпѣть то, чего другіе, при своей слабыхъ характерности, не могли бы понести. И въ послѣдствіи отецъ Арсеній, будучи архимандритомъ и первымъ настоятелемъ возобновленной Святогорской пустыни, самъ пройдя суровую школу, и другими умѣлъ руководить.

Изъ прежней братіи Глинской пустыни, которые были послабѣе и не могли ужиться при новыхъ порядкахъ,—мало-по-малу,—оставили обитель и въ ней образовалась новая за-кваска. Среди новыхъ людей, какъ раньше въ Софроніевой пустыни, отецъ Филаретъ ввелъ въ Глинской старчество съ ежедневнымъ откровеніемъ помысловъ. Старцы наблюдали за учениками, учили ихъ правиламъ монашеской жизни, разъ-

ясняли их недоумѣнія. Каждый монахъ, кромѣ богослуженія вечерняго и обычнаго церковнаго правила, имѣлъ еще назначенное ему старцемъ его особое келейное правило, которое состояло изъ молитвъ, земныхъ и поясныхъ поклоновъ, изъ чтенія Псалтири, Евангелія и Апостола.

Старецъ Василій Кишкинъ не мало помогаль отцу Филарету въ дѣлѣ устройства обители. Онъ замѣнилъ отца Филарета во время его отсутствія по дѣламъ въ Петроградѣ, Киевѣ и другія мѣста. Въ теченіе десяти лѣтъ, отъ 1816 до 1826 года, которые онъ провелъ въ Глинской пустыни, онъ имѣлъ глубокое вліяніе на своихъ учениковъ. Но врагъ спасенія воздвигъ на него гоненіе, и ему пришлось перейти въ Площанскую пустынь, Орловской епархіи, гдѣ онъ и скончался въ 1831 году.

Столь же замѣчательнъ, хотя въ другомъ родѣ, былъ другой подвижникъ—простоецъ, монахъ Θεодотъ, отошедшій къ Богу въ 1859 году. Его значеніе для обители выражали ясно слова отца Филарета: «Молитва старца Θεодота привлекаетъ намъ смиреннымъ благоволеніе Божіе».

Этотъ человѣкъ изумительнаго терпѣнія несъ подвигъ на кухнѣ. Не имѣя собственной кельи, онъ спалъ на грязномъ кирпичномъ полу или на кучѣ углей, но больше проводилъ ночи, бодрствуя на молитвѣ. Онъ принялъ на себя видъ юродиваго и за страсотерпческую жизнь свою имѣлъ даръ прозрѣнія. Блаженный скончался въ самую минуту принятія Святыхъ Таинъ.

Самъ проходившій на опытѣ духовную жизнь, самъ несшій за свою чистоту и за приближеніе къ Богу тяжелую борьбу, отецъ Филаретъ былъ прекраснымъ совѣтчикомъ въ духовной жизни, и всѣ оставшіеся послѣ него совѣты и наставленія монахамъ отличаются глубиною и исполнимостью своею.

Отцу Филарету удалось воспитать поколѣніе истинныхъ монаховъ, которые прославили, во всемъ русскомъ православномъ мірѣ, среди людей чуткихъ къ благочестію, имя Глинской пустыни.

Ученики отца Филарета отличались строгимъ воздержаніемъ, боязнью взаимной вражды, прощеніемъ другъ друга, если кто-нибудь предъ другими прегрѣшилъ, взаимнымъ миромъ, любовью къ уединенію, къ духовному чтенію, къ благоговѣйному служенію въ храмѣ, готовностью къ послушанію. Честность и безкорыстіе—были ихъ общимъ достоинствомъ. Одни вступали въ обитель, ничего не имѣя въ міру, другіе же обладали въ міру достаткомъ и приносили, ради Бога, жертву полной нищеты. Среди нихъ были такіе люди, которые, не получивъ никакого образованія, черезъ очищеніе ума и сердца молитвою, достигли пониманія Священнаго Писанія и могли

утѣшать и назидать другъ друга и мірянъ поучительными и глубокими бесѣдами.

Самъ дѣлатель умной молитвы, отецъ Филаретъ и способную братію приучалъ къ этой молитвѣ. Какъ всѣ настоятели-подвижники, отецъ Филаретъ самъ впереди другихъ исполнялъ труды по послушанію. Ни у кого изъ глинскихъ монаховъ при немъ не было никакой собственности и ежедневно всѣ исповѣдывали свои помыслы старцу.

Восьмеро изъ учениковъ отца Филарета были изъ Глинской пустыни взяты настоятелями въ другія обители, а четверо изъ полагавшихъ начало въ Глинской пустыни были произведены въ настоятели, уже разставшись съ пустынью. Среди глинскихъ монаховъ незабвенны имена схи-архимандрита Иліодора (скончался въ 1879 году), іеросхимонаха Антонія, Амфилохія, Макарія, знаменитаго алтайскаго миссіонера, другаго Макарія и святогорскаго затворника Іоанна.

Особенно замѣчательны отношенія къ отцу Филарету алтайскаго миссіонера Макарія. Онъ съ отличіемъ окончилъ курсъ духовной академіи, и ему предстояло вскорѣ движеніе по ступенямъ духовныхъ почестей. Хорошо зная языки греческій, латинскій, нѣмецкій и французскій, имѣя званіе магистра богословія, онъ занималъ должность ректора Костромской духовной семинаріи и одновременно—настоятеля Костромскаго Божоявленскаго монастыря, и въ санѣ архимандрита онъ приходитъ въ убогую и глухую Глинскую пустынь, чтобы стать ученикомъ отца Филарета. По своему характеру отецъ Макарій чрезвычайно дорожилъ такимъ духовнымъ руководителемъ и постоянно находился подъ такимъ руководствомъ: сперва у своего родного отца, челоуѣка благочестиваго, потомъ у ректора Петроградской духовной академіи Филарета Дроздова, бывшаго впоследствии митрополитомъ Московскимъ. Наконецъ, въ Екатеринославѣ, гдѣ онъ занималъ должность ректора духовной семинаріи, онъ имѣлъ руководителемъ своимъ старца Ливерія, который былъ ученикомъ знаменитаго Паисія Величковскаго.

Придя же въ Кострому, онъ долженъ былъ руководить самъ собою, что было для него чрезвычайно трудно. Его благочестивая душа рвалась подъ чье-нибудь руководство, въ уединеніе, къ духовному подвигу, и въ 1825 году онъ переселился въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ занялся переводомъ твореній святыхъ отцовъ. Тутъ онъ услышалъ о Глинской пустыни и объ отцѣ Филаретѣ и въ тотъ же годъ переселился туда. Въ ней онъ нашель то, что онъ искалъ, какъ это видно изъ словъ его: «Это—школа Христова, это—одна изъ свѣт-

лыхъ точекъ всего земного міра, дабы войти въ которую—надлежитъ умалиться до Христова младенчества».

Здѣсь, въ тишинѣ пустынной обители, проходя духовную жизнь подъ руководствомъ старца Филарета, упиваясь духовнымъ счастьемъ, отецъ Макарій особенно усердно и жадно читалъ Священное Писаніе, вдумываясь и вникая въ его смыслъ. И это Писаніе давало ему столько, что часто ему не хотѣлось писать въ утѣшеніе своимъ добрымъ знакомымъ ничего, какъ только соотвѣтствующія ихъ душевному состоянію слова Священнаго Писанія. И чтеніе это такъ разогрѣвало его душу, что образовывало въ немъ теплую молитву и склоняло его къ безпрестанному призыванію имени Спасителя.

Онъ промыслительно получилъ призывъ на миссіонерство въ далекомъ Алтайскомъ краѣ и провелъ въ этомъ подвижѣ пятнадцать лѣтъ, откуда вернулся съ разстроеннымъ здоровьемемъ въ Болховскій Троицкій монастырь, Орловской губерніи, гдѣ черезъ три года блаженно и почилъ.

Насколько быстро пошло внѣшнее обновленіе Глинской пустыни при отцѣ Филаретѣ,—видно изъ того, что оно стало замѣтно менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяць по назначеніи отца Филарета. Посѣтившій тогда пустынь Курскій преосвященный Феоктистъ, увидѣвъ произведенныя перемѣны, воскликнулъ: «Радуется душа моя! Слава Господу, творящему чудеса; я вижу Лазаря, воскресшаго изъ мертвыхъ». Почитатели отца Филарета, изъ усердія своего, приносили ему свои пожертвованія, которыя онъ очень умѣло употребилъ на внѣшнее возстановленіе монастыря.

Богатый помѣщикъ Бровцынъ, почитатель отца Филарета, привелъ въ порядокъ теплый храмъ. Затѣмъ отецъ Филаретъ поставилъ большой одноэтажный деревянный корпусъ въ шестнадцать келій, произвелъ большія работы для уничтоженія сырости въ соборной церкви, возобновилъ иконостасъ и, вообще, всю внутренность соборнаго храма съ починкой ветхой крыши. Видя успѣшность этихъ первыхъ строительныхъ работъ, отецъ Филаретъ задумалъ перестроить пустынь по новому плану. Каменный трапезный корпусъ замѣнилъ ветхій одноэтажный разваливавшійся домишко. Прочная ограда замѣнила разрушавшуюся старую, низкую ограду, которая съ одной стороны представляла даже деревянный частоколь, такъ что зимой голодные волки забирались во внутрь монастыря и выли вокругъ келій.

Ветхіе домики отецъ Филаретъ снесъ на другую монастырскую землю, а на ихъ мѣстѣ заложилъ большой одноэтажный каменный корпусъ для трапезы, кухни и пекарни, съ кельями на мезонинѣ и съ погребями подъ корпусомъ.

Для обширных построекъ своихъ отецъ Филаретъ построилъ на монастырской пасѣлкѣ собственный кирпичный заводъ. Былъ возведенъ также и отдѣльный каменный флигель для просфорни.

Эта строительная дѣятельность была прервана поѣздкой отца Филарета по дѣламъ въ Петроградъ. Но, заведя тамъ новыя знакомства, онъ получилъ новыя пожертвованія и съ 1823 года его строительная дѣятельность вспыхнула съ новой силой. Онъ возвелъ нѣсколько деревянныхъ большихъ корпусовъ, и среди нихъ—большой каменный корпусъ для священнослужителей. Зданія расположились такъ, что образовали большую церковную площадь, среди которой стоитъ храмъ. Затѣмъ онъ устроилъ большую братскую больницу, каменную столярную и хозяйственные постройки—конюшни и скотный дворъ. Онъ расширилъ гостиный дворъ разными постройками, службами и сараями. Вскорѣ построилъ, на пожертвованной землѣ, въ городѣ Глуховѣ, пять лавокъ, домъ и флигель съ постояннымъ дворомъ и монастырское подворье—домъ съ флигелемъ и часовнею. На этомъ подворьѣ принимались слѣдовавшіе въ обитель богомольцы и странники.

Всюду при постройкахъ отецъ Филаретъ, большой любитель зелени, садилъ деревья, кустарники, разводилъ фруктовые сады, пчельники, огороды. Чтобы осушить прилегающее къ обители болото, отецъ Филаретъ вырылъ прудъ съ точной водой.

Одновременно съ тѣмъ, онъ украшалъ и церкви, крылья прежнія церковныя зданія желѣзомъ, вѣшалъ новые колокола и, въ 1826 году, началъ постройку храма во имя Иверской иконы Богородицы, которую докончилъ на свои средства московскій богачъ Лобковъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ произошло явленіе Глинской чудотворной иконы, въ четверти версты отъ обители, отецъ Филаретъ (на средства господина Анненкова) поставилъ новую часовню, при которой поселился іеросхимонахъ и возникли другія кельи. Мало-по-малу, образовался такъ называемый ближній скитъ, при которомъ возникло и братское кладбище. Премникъ же отца Филарета построилъ на томъ мѣстѣ церковь во имя святыхъ богоотецъ Іоакима и Анны, родителей Пречистой Дѣвы Маріи.

Кромѣ этихъ построекъ—каменной церкви, двухъ часовенъ съ кельями, двухъ каменныхъ домовъ, отецъ Филаретъ поставилъ еще восемнадцать деревянныхъ домовъ, квасоварню, мельницу, двѣ крупорушки, сукновальню, конюшни, ледникъ, амбаръ и много еще другихъ зданій—все крытое тесомъ и не

штукатуренное, вслѣдствіе склонности отца Филарета къ большой простотѣ.

Черезъ десять лѣтъ по вступленіи его въ званіе настоятеля во внѣшнемъ видѣ обители, корпусовъ, соборной церкви и колокольни не оставалось ничего прежняго. Эти старыя постройки печально стояли на заднемъ дворѣ, передѣланныя и положенныя на прочный фундаментъ. Отецъ Филаретъ значительно расширилъ боковыми притворами соборный храмъ, собираясь его совершенно перестроить, на что и собралъ тридцать тысячъ рублей, но эти работы были выполнены уже его преемникомъ, игуменомъ Евстратіемъ.

Необходимость имѣть большіе запасы строительнаго матеріала побудила отца Филарета съѣздить въ Петроградъ, чтобы хлопотать о дарованіи обители лѣса. За Глинскою пустыню числилось только тридцать шесть десятинъ земли. Безъ личныхъ хлопотъ отца Филарета нельзя было ждать успѣха въ дѣлѣ. И, отслуживъ молебенъ предъ чудотворной иконой Божіей Матери, отецъ Филаретъ въ 1821 году отправился въ извѣстную уже ему сѣверную столицу. Государь Александръ Благословенный, прослышавъ о настоятелѣ-подвижникѣ дальней лѣсной пустыни, пожелалъ лично видѣть его, милостиво и неспѣшно бесѣдовалъ въ своемъ кабинетѣ съ отцомъ Филаретомъ и согласился удовлетворить просьбу о дарованіи обители лѣсныхъ угодій въ количествѣ трехсотъ десятинъ земли и объ уплатѣ монастырскихъ долговъ до трехъ тысячъ ассигнаціями. Несмотря на противодѣйствіе министра финансовъ, который предлагалъ отрѣзать обители только сто десятинъ,— по непосредственной волѣ Государя обители было даровано полностью триста десятинъ.

Отецъ Филаретъ, несмотря на свое малое образованіе, имѣлъ умъ просвѣщенный и могъ легко разобраться въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ вѣры.

Въ то время въ русскомъ образованномъ обществѣ началось болѣзненное мистическое направленіе, которое находило главное выраженіе свое въ журналѣ «Сіонскій Вѣстникъ», издававшемся мистикомъ Лабзинымъ. Ему покровительствовалъ зараженный этимъ ученіемъ тогдашній министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Онъ усердно распространялъ журналъ по учебнымъ заведеніямъ и многочисленнымъ лицамъ.

Православная церковь учитъ человѣка, прежде всего, побѣждать страсти, затѣмъ пріобрѣсти добродѣтели и хранить плоды этихъ добродѣтелей и трудовъ. Все это должно быть сдѣлано въ духъ великаго смиренія. Такимъ образомъ, православіе—прежде всего—требуетъ отъ человѣка жизни и дѣлъ,

За 5 руб. съ пересылкой.

52 №№ ЖУРНАЛА РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ
до 2.000 ст. текста ЗА 1907 Г.

7 КНИГЪ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
ИННОКЕНТІЯ ХЕРСОНСКАГО

До сихъ поръ сочиненія Преосв. Иннокентія, за которыми упрочилось наименование «Русскаго Златоуста», были недоступны для большинства по своей цѣнѣ. Настоящее издание является первымъ общедоступнымъ.

Оглавленіе: О религіи вообще. Объ откровенной религіи христіанской. Объ откровеніи. Божественное происхожденіе христіанской религіи. Отношеніе христіанства къ другимъ религіямъ. Объ отличіи нашей церкви отъ прочихъ. О Богѣ, какъ учредителѣ царства нравственнаго или небеснаго. О существѣ, умѣ и волѣ Божіихъ. О Богѣ троичномъ. О сотвореніи міра, о промыслѣ или провидѣніи. О духахъ. Чтеніе евангельскихъ сказаній о земной жизни Иисуса Христа. Последніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. Иисусъ Христой—Искупитель человѣческаго рода. Объ усвоеніи заслугъ Христовыхъ. О благодати. Объ отношеніи царства Христова видимаго къ невидимому. Сборникъ проповѣдей.

5 КНИГЪ ДУХОВНО-НРАВСТВ. И ИСТОРИЧ. СОДЕРЖАНІЯ:

I. Пустыня. Очерки жизни древнихъ подвижниковъ. *Е. Поселянина.* II. Красное Солнышко. Историческая повѣсть изъ жизни Святого Князя Владиміра. *А. Лаврова.* III. Чернецъ Феодосій. Историческая повѣсть изъ церковно-общественной жизни эпохи Петра Великаго. *А. А. Осипова.* IV. Христіанинъ есмь. Историческая повѣсть изъ жизни святаго-князя мученика Михаила Черниговскаго. *Н. Стрѣшневъ.* V. Великій старецъ. Очеркъ Преп. Нила Сорскаго. *Ник. Клименко.*

Въ нумерахъ журнала, между прочимъ, были помѣщены слѣдующія статьи:

О библии. Іером. *Стефана.*—Блудный сынъ. *Е. Поселянина.*—Вотъ идетъ Царь славы. Свящ. *П. Полякова.*—Враги человѣку домашніе его. *Е. Поселянина.*—Гдѣ же Онъ? *Е. Поселянина.*—Духовное собесѣдованіе съ Богомъ. Свящ. *Л. Изъва.*—Душа забыта. *А. Терпигорева.*—Земная жизнь Спасителя по Божественной литургіи. *В. Баженова.*—Исканіе жемчуга. *Е. Поселянина.*—О силѣ креста. Іером. *Стефана.*—Въ защиту монастырей. Іером. *Афанасіа.*—О страданіяхъ Христа. *Е. Лавовой.*—Какъ намъ подняться къ небу. *Е. Поселянина.*—Первые шаги нравственной жизни. *А. Терпигорева.*—Откройте храмы! *Е. Поселянина.*—Послушаніе. *В. И. Премірова.*—Привѣтъ мира. *И. Теодоровскаго.*—Прославленіе твари. *Д. Сочаскаго.*—Противъ кого мы боремся и кто насъ хранитъ. *Е. Поселянина.*—Самовосхваленіе. *А. Терпигорева.*—Нѣчто о жизни и смерти. *Е. Поселянина.*—Въ храмѣ. *Поселянина.*—Ключи къ царство небесное. Свящ. *П. Полякова.*—Яспись и Сардисъ. *Ив. Ювачева.*—Христіанская пасха въ столицѣ ислама. *Н. Лендера.*—Пятница—Боръ (Пустыня). *И. Баженова.*—Русскія святыни заграничій. *Н. Лендера.*—Въ Сарептѣ Сидонской. *В. Соловьева.*—Демоны въ вѣрованіяхъ древней церкви. *В. Премірова.*—Пастыри народа Божія въ Ветхомъ Завѣтѣ. *Ф. Кипарисова.*—Какъ сложилась сословность духовенства. *А. И. Владимірскаго.*—Протопопъ Авакумъ. Разсказъ *Н. Колесникова.*—Ангель. Разсказъ *И. Вазова.*—Библейская пальма. Разсказъ *А. Королькова.*—Виллеемскіе пастухи. Повѣсть *А. Бибикова.*—Воистину воскрес! Разсказъ *Н. Петронина.*—Дочь Израіля. Повѣсть *Раттаца.*—Инокъ-бѣлоризецъ. Разсказъ *Л. Денисова.*—Крестъ жизни. Разсказъ *Ф. Пестрякова.*—Неласковый пріемъ. Разсказъ *Н. Колесникова.*—Ночью. Разсказъ Свящ. *А. Булатова.*—Товарищи до конца. Повѣсть *М. Караулова.*—Черная мученица. Разсказъ *П. Ольховаца.*—Богъ въ природѣ. Свящ. *Н. Семеновко.*—На день Воздвиженія Креста. *Е. Лавовой.*—Въ Вавилонскомъ плѣну. Свящ. *В. Бялкина,* и много друг.

Книжный складъ П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная, 12.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г. Четырнадцатый годъ изд.

ПРОГРЕССИВНОЕ САДОВОДСТВО И ОГОРОДНИЧЕСТВО.

Еженедѣльн. иллюстр. журналъ
практическ. садовод. и огородн.
Изд. П. П. Сойкина. Ред. П. Н. ШТЕЙНБЕРГЪ.

52 №№ ЖУРНАЛА, съ рисунками и чертежами. Около 1.000 ст.
съ рисунками и чертежами. Убористаго шрифта. Практическія статьи и оу-
стоятельные отвѣты извѣстныхъ практиковъ-садовъ и огородн. и спеціалистовъ по всеѣмъ
отрасл. плодоводства, садоводства, огородничества, цвѣтоводства и пчеловодства.

8 ПОЛНЫХЪ ПРАКТИЧЕСК. РУКОВОДСТВЪ

съ многочисленными рисунками:

1. **МОЙ САДЪ.** Какъ самому устроить и содержать небольшой садъ и огородъ. Новое руководство *П. Н. Штейнберга*, въ 4 част.: 1) Небольшой плодовый садъ любителя. 2) Обра цвовый ягодный садъ. 3) О. ередь любителя. 4) Цвѣтний любителя.
2. **ТЕПЛИЧНОЕ САДОВОДСТВО.** Полное руководство къ веденію доходныхъ теплицъ и къ выращиванію въ теплицахъ растений. Составилъ *А. И. Мятликъ*.
3. **ЛУЧШІЯ ОРУДІЯ ДЛЯ САДА И ОГОРОДА.** Орудія для о. работки почвы въ саду и огородѣ, для посѣва и ухода за растеніями. Сост. спец. по сел.-хоз. машиновѣд. *К. И. Дебъ*.
4. **ОРГАНИЗАЦІЯ ПАСЬЧНАГО ХОЗЯЙСТВА.** Какъ завести доходное пчеловодство. Составилъ спеціалистъ-пчеловодъ *М. А. Дерновъ*.
5. **СБОРЪ И СУШКА ЛѢКАРСТВЕННЫХЪ РАСТЕНІЙ.** Полное руководство къ собираю и сушкѣ дикорастущихъ лѣкарственныхъ растений. Съ 18-ю ТАБЛИЦАМИ И РИСУНКАМИ лѣкарственныхъ растений ВЪ НАТУРАЛЬНЫХЪ КРАСКАХЪ. Составилъ спеціалистъ Министерства Земледѣлія *В. И. Ивановъ*.
6. **САДЪ ВЪ КОМНАТАХЪ.** Руководство, составленное по извѣстнѣйшему труду *М. Гесдерфера*. Размѣженіе и содержаніе въ комнатахъ лучшихъ цвѣтущихъ и декоративныхъ растений. Украшеніе комнатъ растеніями. Цвѣтоводство на балконахъ, и на наружныхъ подоконникахъ Устройство зимняго сада въ комнатахъ.
7. **КАКЪ ИСПОЛЬЗОВАТЬ УРОЖАЙ САДА И ОГОРОДА ДОМАШН. СПОСОБАМИ** При отяженіе въ своемъ хозяйствѣ самыхъ разнообразныхъ консервовъ изъ овощей и плодовъ. Составилъ спеціалистъ по садоводству *Т. А. Гужавинъ*.
8. **ВЕГЕТАРИАНСКІЙ СТОЛЪ.** Полное практическое руководство. Блюда изъ овощей, плодовъ, грибовъ, яицъ и проч. Составила *Е. В. Стаская*.

6 КНИГЪ ПРАКТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА САДОВОДА.

1. **ПЕРЕСАДКА ДЕРЕВЬЕВЪ И КУСТАРНИКОВЪ.** Составилъ *Вл. Никольскій*.
2. **ДЕШЕВЫЯ УДОБРЕНІЯ.** Составилъ *П. Штейнбертъ*.
3. **ИСТРЕБЛЕНІЕ СОРНЫХЪ ТРАВЪ НА ОГОРОДѢ.** Составилъ *А. Л. Яхонтовъ*.
4. **ДЕШЕВЫЙ РАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛЕДНИКЪ.** Составилъ *А. Смирновскій*.
5. **КАКЪ САМОМУ УСТРОИТЬ РАЗСАДНИКИ И ПАРНИКИ.** Составилъ *Д. Грачевъ*.
6. **ДОХОДНЫЯ ПАРОВЫЯ ГРЯДЫ.** Составилъ *Д. Холмутовъ*.

КРОМЪ ТОГО, будутъ даны ДВА ОСОБЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. **ОРОШЕНІЕ САДА И ОГОРОДА.** Проектъ простѣйшаго чигира для поливки садовъ и огородовъ, съ подробнымъ описаніемъ устройства и приблизительными смѣтами стоимости чигира.

2. **КАЛЕНДАРЬ РУССКАГО САДОВОДА НА 1917 ГОДЪ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ со всеѣми приложеніями, съ до- 8 руб.
ставкой и пересылкой по всей Россіи

Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 мая остальные 4 руб.

Главная Контора журнала: Петроградъ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

